



МИСТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

КОАН ЯНГ

ГОРОД ПРИЗРАКОВ

STAN WESLEY

18+

Stan Wesley

Коан Янг

«Автор»

2019

Wesley S.

Коан Янг / S. Wesley — «Автор», 2019

Где-то высоко в небе, скрывшись от глаз простого человека, парит Академия Ши-Ян. Ее двери открыты для самых одаренных и просвещенных студентов. Коан Янг еще совсем ребенком мечтала попасть в ряды учащихся, но ей отказали. Теперь девушка выросла, и у нее появился второй шанс. В 50-х годах японский журналист Тара Ямада писал об Академии Ши-Ян самые разоблачительные статьи. Однажды тьма окутала его скромный городок, а виной всему послужили самые страшные секреты Академии, по неосторожности вырвавшиеся наружу. Удастся ли Коан спасти город от места, частью которого она так сильно жаждала стать?

© Wesley S., 2019

© Автор, 2019

Stan Wesley

Коан Янг

*Посвящается Елене Ширяевой, моему прекрасному другу, чья любовь к Японии переда-
лась мне
и вылилась в эту историю.*

Глава первая ПОПУТЧИЦА

Почему-то все приключения, включающие в себя поездку на поезде, имеют особенную значимость. Вагон чуть резковато трогается с места, и ты понимаешь, что находишься в самом начале своего путешествия. Одна только мысль о том, что тебя ждет дальше, до безумия завораживает. То ли дело в рельсах, то ли в бесконечно тянущихся зеленых лесах и старых деревушек за окном, то ли в общей атмосфере. Такой своеобразной и уникальной, что можно забыть о всяких неудобствах. Подумаешь, один туалет на весь вагон... Подумаешь, в кабине неприятная зловония... Подумаешь, храпящий сосед попался на полке сверху или вечно плачущий ребенок... Стоит лишь разгрузить свои вещи, передохнуть немного, выглянуть в окно и представить, что предстоящая дорога – это дорога в свободный, совершенно новый и неизведанный мир, и что тебя в нем ждет – большой вопрос, – и сетовать на тему неудобств кажется таким ничтожным делом.

Мне нравилось думать, что я покидаю свой родной дом. Прощаюсь с прежней жизнью, сжигаю за собой мосты и смотрю только вперед – только в неизвестное. Именно этот момент – момент осознания – является для меня свободой. Я получила свободу, надо же! Полностью свободна ото всех! И неважно, нравилось мне дома или нет. Еду не зная куда, без попутчиков, помощи и идей. Просто еду и ни о чем не думаю. Что дальше – разберусь на месте. Не маленькая же.

Хотя...

Двадцать лет – это немного, правда? Точнее сказать, вполне достаточно для путешествий и всего, что только вздумается. Однажды я уже сбегала, когда мне исполнилось одиннадцать. Тогда я знала: родные будут искать. Знала, в какую панику впадет вся моя улица, где я росла. Знала, что если объявят в розыск, я буду вынуждена держаться подальше от полицейских и простых людей. Одиннадцатилетняя девочка, разгуливающая по улицам в одиночестве, – что-то тут нечисто! А где ее родители? Почему она без сопровождения? Надо спросить у нее. И на всякий случай, вызвать полицейских, а они уже пусть разбираются. Поэтому свобода у меня была не совсем многогранная: повсюду опасность, в любой неожиданный для меня момент я могла быть отослана обратно домой.

И я была отослана. Не из-за полицейских или прохожих, меня никто не нашел. Дело было в другом. Я не продумала множество вещей прежде, чем прощаться с родным местом. Помню, мне пришлось горько... Помню, как возвращение домой приравнялось для меня к тюрьме с огромным сроком. Я ждала девять лет, чтобы заполучить новую возможность уехать.

И вот, я ее получаю.

Нельзя повторить предыдущие ошибки.

Я обвела взглядом свое купе: видимо, попутчиков у меня не будет: поезд тронулся уже как десять минут назад, а три места до сих пор пустовали. Ну и хорошо. Мне же лучше – не придется скрещивать пальчики в надежде воспитанного соседа. Сделав глубокий выдох, я прижалась к твердой спинке койки и уставилась прямо перед собой: надо же, подумалось

мне, покидаю дом, где мне было так хорошо. Возможно, никогда не вернусь... А может, все обернется иначе, и уже через месяц-два придется покупать билет обратно.

Прямо как в одиннадцать лет.

На фоне плавно растущего стресса появился аппетит. Так бывает, я была и к этому готова. Первые шаги всегда даются с огромным трудом. В голове все до конца не устаканилось. Настраиваешь себя на одно – психика выдает ошибку. Сердце начинало биться быстрее. Задрожали руки. Надо же, как быстро подросла паника. Вдох, выдох, спокойно. Я вытащила из своего рюкзака, набитого всем необходимым для путешествия, бенто, аккуратно завернутый в фольгу, и положила на столик. Достала палочки, салфетки и маленькую бутылку воды и тоже выложила их рядом с едой. Ужасно высохло горло. Я открыла бутылку и сделала три внушительных глотка, после чего лицо словно опухло и покраснелось. Я вытащила из маленького кармана рюкзака маленькое зеркальце: с лицом все в порядке – оно такое же худенькое, как прежде, даже слегка осунувшееся. Я всмотрелась в отражение собственных глаз. Во взгляде показалась свежесть, словно легкий утренний день после летнего дождя, и засверкали маленькие искорки, шепчущие о готовности встретиться со страхом лицом к лицу – впрочем, именно со страхом граничила моя бодрость. Я бы даже сказала, страх порождает во мне эту бодрость.

Внезапно в кабинку постучались, и я выронила зеркальце из рук. Повезло, не разбилось – скользнуло прямо в рюкзак. Дверца купе широко открылась, в проеме показалась девушка, обвешанная кучей огромных сумок. Запыхавшаяся, она едва дышала, обводя взглядом купе. Ее завивающийся локон волос прилип к потному лбу, а румянец на щеках был настолько выраженным и ярким, будто их нарисовали самой сочной помадой. Она была пухленькой – не сказать, что толстой или крупной, просто слегка полновата – хотя даже «полновата» – слово слишком притянутое. У девушки были тонкие ноги, практически как у меня, но, видимо, дело в широких бедрах и пухленьких щечках – они придавали видимость несуществующей полноты. Темные длинные волосы с завитушками, на плечи накинута бледно-розовая куртка, полностью расстегнутая, под которой виднелась черная майка с белой надписью «НИРВАНА». На ногах черные сапоги на высоком каблуке, того же цвета юбка чуть выше колен совершенно нелепо сочеталась с телесными колготками. Впрочем, в этой девушке ничего толком не сочеталось...

– Здравсьте, а я к вам, – устало, но все же с толикой оставшейся энергии сказала девушка, и ее сумки рухнули прямо у входа.

Она перешагнула через них, сделала пятисекундную растяжку и рухнула на койку напротив, не рассчитав, видимо, размах, и ударилась затылком о стенку.

– Твою мать! – сердито воскликнула она и зачесала голову.

Да уж, попутчица мне попалась что надо, подумала я, лишенная надежд ехать одной. Невесело поджала губы, сдвинула еду и салфетки на столике в свою сторону и с недоумением наблюдала за действиями девушки. Она немного потарасилась на меня, что привело меня в возмущение: надо же, сидит и тараситься! Где ее воспитание? После чего перетасила все свои пять сумок поближе к себе, сопровождая каждое действие какими-то комментариями.

– Так, эта тяжелее всех, под койку положу, в этой еда, тут одежда, там документы, а там у нас что... Ох, что-то я сегодня туповата... Тут ноутбук и фотоаппарат со всеми принадлежностями...

Девушка положила самую тяжелую сумку под койку, а остальные четыре обставила вокруг себя – по две с каждой стороны. Из одной она вытащила широкую белую коробку, поставила на стол, а из другой сумки – какую-то книгу. Изучила название, прищурившись, пробормотав что-то себе под нос, и вновь уставилась на меня. Как-то задумчиво, словно гром и ливень портили все ее планы.

– Я не очень вежливая, как видите, – сказала она, совершенно не озабоченная своим наблюдением. – Какая есть.

Я понятия не имела, как реагировать, и поэтому просто выдавила вежливую улыбку.

– Я Мизуки, кстати говоря. Все-таки, вместе ехать.

– Очень при...

– Ох, надо же поклониться, или как там? – перебила она, отчего мои глаза невольно округлились. – По правилам-то. Я ужасна в них, честно.

Я дождалась, пока она договорит, выдержала паузу и с вежливой улыбкой ответила:

– Очень приятно, Мизуки-сан. Меня зовут Янг.

– Янг – это фамилия? – небрежно спросила она, изогнув бровь. – А можно по имени? Мне просто удобнее по имени. Вот я – Мизуки. Можно без сан. Какая же я сан? Мизуки-кун можно. Ты ведь не старше меня? Сколько тебе?

Я сдержанно вдохнула и выдохнула. Разве так можно начинать общение? Вот бы, подумала я, ей в попутчики попался мужчина пожилых лет, строго придерживающийся всех правил этикета. Получила бы эта девушка по полной...

– Мне двадцать, – не теряя улыбки, произнесла я, хотя мое напряжение было заметно.

Но попутчицу и это не смутило.

– Ух ты! Значит, ты моя ровесница! Слушай, Янг-сан, а ты далеко собираешься?

– До конечной точки.

– Здорово, я тоже! – обрадовалась она, хлопнув ладонью по сумке слева от себя. – Ну и дорога у нас... Целый день, скажи? К утру только приедем.

– Да, дорогая длинная, – произнесла я не так радостно и склонила голову вбок. Чем бы себя занять? Чтобы у этой дамы не возникло соблазна общаться со мной?

– Так как тебя по имени-то, Янг-сан?

– Коан.

– Значит, я могу называть тебя Коан.

– Коан-сан, – улыбнулась я как можно вежливее и настойчивее.

– Коан-сан, – повторила Мизуки. – Вот и славненько. А ты лучше зови меня...

– Мизуки-сан, да, – рискнула я перебить. – Позвольте мне называть вас так.

Мизуки слегка удивилась, будто сбилась с толку, и пожала плечами. Я тем временем вытащила из рюкзака свою книгу и открыла на том месте, где лежала красная закладка.

– Что за книга? – беззаботно поинтересовалась она.

– «Кафка на пляже», – не отрывая взгляд от страницы, промолвила я.

– Правда-правда? Ну дела! – восхитилась Мизуки так громко, что я была вынуждена на нее посмотреть. – Смотри, что читаю я! – взяв свою книгу с сумки, она потыкала пальцем на обложку. – И у меня «Кафка на пляже»! Совпадение так совпадение!

Ох, черт. По-моему, я никогда в жизни не находилась на столь огромном контрасте эмоций с собеседником. Но совпадение действительно вышло забавным, правда, почитать нормально уже не удастся.

– Поразительно, – сыграла я бровями и вернулась к чтиву.

– Я вот на моменте, где появился Наката, ну, этот старичок, странный такой. А ты?

На этот раз я подняла на попутчицу чуть ли не враждебный взгляд и кратко, сохраняя еле заметную улыбку, ответила:

– Я чуть-чуть дальше.

Мизуки хмыкнула, немного потянув паузу и изучая мое поведение, и наконец изрекла:

– А тебя сложно разговорить, да? Я от природы такая болтушка, только волю дай...

«Или не дай, один фиг», – отозвалось у меня в голове.

– А вообще я вся в маму такая разговорчивая. У нас в семье по линии прабабушки все болтливые, а прадедушки нет – из отца вон и слова не вытянешь! Очень уж он у нас скромный. Зато серьезный, работает на огромной фирме по производству холодильников. Только не в Японии. В Америке. Вот у вас дома какой холодильник?

Я промолчала, пытаюсь не реагировать на беседу и всем своим видом показать, что если я читаю книгу – значит, занята.

– Не помнишь? Да кто помнит, как у них холодильник называется? Марки все эти... – махнула Мизуки. – Я бы сама не запомнила, не работай на фирме отец. Кстати, я в Японии ни разу не была, родилась в Штатах – так уж судьба у семьи моей сложилась. Поэтому я слегка «американизирована», если так можно выразиться. Я имею в виду, не очень-то я вежлива.

– Американцы вполне вежливы, – отозвалась я, перелистывая страницу.

– Да нет, не в них-то дело, а в вас! В смысле... Этикет у вас такой сложный! Поди пойми, к кому как обращаться, можно ли ногу на ногу класть и прочее...

– Это нетрудно. Главное – начать.

– Ну не знаю, – вздохнула Мизуки. – Я в «Google» вычитала, пока поезд ждала, все эти правила общения и чуть с ума не сошла. Отец говорит, я в пять лет все их более-менее знала, когда матери вдруг стукнуло в голову начать изучение японского этикета – мы же сами японцы, грешно не знать свою культуру, – а в Америке она зачем? Ей американцы не пользуются. Все-таки, другая страна, другие обычаи. За пятнадцать лет их и забыла. Само собой получилось. А вот как прилетела в Японию – словно в чужую страну прилетела! И такое случается. Вроде и страна далеких предков – а с людьми когда говорю, все какие-то отрешенные...

Очень нехотя, но в глубине души я невольно посочувствовала попутчице. Пусть и безалаберно, раздражающе и невпопад правилам приличия, а вела Мизуки себя искренне. Говорила, что приходило на ум. Я ценила это качество, правда, с посторонними людьми всегда была настороже. Мизуки никакой опасности не представляла – разве что для моих ушей.

– Я вполне американизирована, – сказала я. – Моя мама уже много лет живет в Штатах. Я... могу вас понять, Мизуки-сан.

Подняв на Мизуки глаза, я увидела ее радостное лицо – все-таки, ей удалось меня разговорить.

– В каком же штате живет твоя мама? Мои родители вот в Алабаме – всю свою жизнь.

– Где-то на севере, город Мекксфорд.

– Мекксфорд? – нахмурила Мизуки брови и хмыкнула. – Не слыхала о таком. Наверное, не самый примечательный городок.

– Настолько я знаю, тихий.

– Так странно – не знаешь, в каком штате живет твоя мама, – недоуменно промолвила девушка и отлепила прядь волос со лба. – Вы редко общаетесь?

– Можно и так сказать. Обстоятельства не позволяют.

– Вот как, – прокивала та. – М-да уж, понимаю... Я со своими последние два года общий язык потеряла. Непонятно, почему. Может, выросла я. Неуступчивая стала. Хотя их люблю безумно. Не уступаю только там, где начинается моя личная жизнь. Ну там, знаешь... Интересы, книги, друзья, влюбленности. Два года назад съехала жить отдельно, да только ухудшились отношения между нами. Я бы по психологии книг начиталась, да только так я мало в ней смыслю, хотя бы чтоб начать... Такие дела.

Мизуки, интересно, со всеми незнакомцами любит откровенничать с первых минут? Я изумленно смотрела на нее еще секунды три, и, будучи настороженной, но пораженной ее незамысловатой открытостью, отложила книгу в сторону.

– Но сейчас вы здесь, в Японии, Мизуки-сан. Что вас сюда привело?

Мизуки беспечно пожала плечами.

– Не знаю, свободы захотелось. Накопила заработанных за последний год денег на перелет и первый месяц проживания и вот, прилетела. Думаю, навсегда.

Я оглядела ее четыре сумки с обеих сторон, и теперь стало понятнее, почему их так много. Медленно прокивав, сказала:

– Свобода... Понимаю. На резкий шаг вы отчаялись. Тем не менее, вы полностью свободны, Мизуки-сан.

– Ага, свободна и тут же связана по рукам и ногам. Что-то мне думается, никто из нас не свободен, – проворчала она. – В мире столько правил... Черт ногу сломит.

– Согласна, – улыбнулась я в солидарности. По крайней мере, наблюдения моей попутчицы мне были очень близки.

Мизуки перевела довольный от клеящегося общения взгляд на белую коробку, которую она поставила на стол, и указала на нее пальцем.

– Там много вкусностей. Будешь?

– Спасибо, но я н...

– Я так проголодалась, готова кита съесть! – взмахнула руками та, снова не дослушав. – Знаешь, большого такого кита. Ну, в коробку я положила пять разных блюд в двойной порции... Давай, угощайся! Не люблю я есть одна.

– Спасибо, – повторила я. – Но у меня еда уже наготове. Правда, это единственное, что я взяла. Угощать мне нечем.

Мизуки отодвинула коробку к окну и увидела свернутый в фольгу бенто, белые салфетки с бутылочкой воды и укоризненно глянула на меня.

– О да, тут прям разгуляешься. С твоей едой-то. Поэтому ты такая худая как палка! В общем, ты это, оставляй свое бенто на лучший день, а пока угощать буду тебя я.

– Мне, честно, не совсем удобно...

– Это мне не совсем удобно! – указала Мизуки на свои сумки. – Эта коробка занимает одну вторую места! Съедем хотя бы половину, мне идти будет легче. Другие сумки легче не сделаешь – там нечего съесть. Так что давай, помогай своей попутчице.

Я неловко пожала плечами, подвинулась ближе к столику, пока Мизуки открывала коробку и предлагала блюдо на выбор, и поблагодарила ее.

– Кстати, а ты-то куда едешь? – спросила Мизуки, протягивая мне палочки. – Я имею в виду, с какой целью? К парню? Родственникам?

– Нет, – осторожно ответила я. – Так же как и ты, я жаждала свободы. Вроде получила ее. И сейчас просто еду, куда глаза глядят. На месте разберусь.

Брови Мизуки взлетели вверх.

– Серьезно? Мы похожи больше, чем я думала.

Вот только Мизуки не знала и десяти процентов от всей правды: ведь несмотря на то что я ехала не зная куда, я в точности понимала, кого следует найти и что мне предстоит сделать.

– И что, планируешь квартиру снимать? – похоже, Мизуки заинтересовалась как никогда.

– Конечно. Надо же где-то жить.

– Ох, подруга, это очень здорово!

На слове «подруга» я чуть не подавилась рисом. Впрочем, я была уверена, что Мизуки не придает должного значения каждому слову, которое произносит.

– Ну да ладно, попозже это обсудим, – переключила она внимание на наш обед. – Пока поедим, а там посмотрим, что к чему.

Я смущенно улыбнулась. Мизуки чувствовала себя как дома, словно хозяйка, пришедшая навести порядок. Громкая и навязчивая, она заполонила своим присутствием купе, заполучив и мое внимание, и, как я в итоге заключила сама для себя, мое доверие.

Быть может, появление Мизуки являлось тем необходимым дополнением к моему путешествию, о котором я и не собиралась думать. Да и не хотела... В моем случае, если учесть, куда, для чего и почему я еду, уж лучше мне оставаться одной и никого в свое приключение не брать. Хотя Мизуки я просвещать, конечно же, не собиралась. Просто, несмотря на ее назойливость, Мизуки умудрилась избавить купе от угнетающей атмосферы, что нарастала при мне,

и зарядить ее своей взбалмошностью. И лишь недавно я поняла, что это именно то, в чем я подсознательно нуждаюсь.

Пожалуй, да, мне стоит отвлечься от философий, перерастающих в очередной стресс. А Мизуки мне в этом поможет.

Глава вторая ИНТЕРВЬЮ #1

Статья из «Научного Мира Зазнаек», выпуск от двадцать пятого августа 1951 года.

Приветствую вас, зазнайки научного мира! С вами снова Тара Ямада, и сегодня я поведаю вам о месте, о котором мы навряд ли слыхали. А напрасно! Ведь место знаменито своей секретностью, не каждый его найдет, не каждый заслужит в нем оказаться. Оно славится своей исключительностью и строгостью. Да-да, это место – учебное заведение. Но совсем не простое – в нем учат магии. Итак, мы начинаем.

Академия Ши-Ян. Вознесена на небеса. Где-то далеко внизу – сухой, пустынный песок под вечно палящим солнцем. Вокруг Академии – ничего. Одно только небо и сотни облаков, затягивающие видимость столь массивного сооружения. Впрочем, справедливости ради, увидеть эту Академию мешали не только облака, но и нечто иное. Нечто под названием «магия».

Причем магия не в самом ординарном смысле этого слова. Не в таком, в каком мы привыкли ее воспринимать: всякие колбочки, зелья, палочки да колдуны. Магия в Академии Ши-Ян носила свой особенный, уникальный характер, она отличалась от любого другого вида магии. Видов этих немало, но ни с одним из них Ши-Ян не связана.

Чем же, все-таки, отличается магия Ши-Ян и что нам о ней известно? Мне представилась возможность встретиться с одним из преподавателей Академии, Сузуму Такахаши, и вот, что она говорит по этому поводу:

– Я работаю в Академии больше сорока лет и могу с уверенностью заявить о редчайшем случае в области магии в общем понимании этого слова, и случай этот произошел, конечно, благодаря нашему основателю Академии. Он сумел доказать, что наша магия Ши-Ян стала единственным видом, который мы с гордостью называем естественно выработанным.

Понимаете, если отстраниться от Ши-Ян, взять любую другую магию и взглянуть на ее корни, то мы увидим, что она переплетена с какой-то другой, а так называемые «новые» виды на самом деле вырабатывались в процессе многовековой истории травниц, колдунов и магов, создававших те или иные заклинания на основе уже имеющихся магических книг своих предков. Всякая новая магия – есть смесь сразу нескольких магий, которые скрепило определенное заклинание или собственная догадка мага. Но дело все в том, что настоящая, истинная магия не может быть смешанной.

Я приведу пример. Черная магия не является естественной, поскольку создали ее люди разных веков и поколений. Они буквально вменялись в нее и понапичкали, простите, всем тем, чем полны сами. На чем, как вы думаете, такая магия основана и почему она стала черной? Прежде всего, она основана на ненависти, злости, гневе и нетерпимости. Та святая энергия природы, взятая людьми, была загрязнена их эгоизмом с целью навредить друг другу: отсюда появились проклятья. Люди использовали столь девственную энергию ради своих прихотей, что я считаю, конечно же, большой ошибкой. И такой род магии естественным не назовешь. Он искусственный, раз человек приложил к нему свою руку. Это как химия – один элемент смешивается с другим и на выходе получается третий. Так с магией обращаться нельзя: мы видим, к чему это приводит.

Стоит понимать, что магия – это ничто иное как сила природы, чьи законы способен почувствовать лишь любящий и преданный природе человек, и природа будет полностью предана

тому, кто не посмеет испортить ее естества. Именно на этой идее построена магия Ши-Ян: она не смешана ни с одной другой, она является кристально чистой, ее нельзя контролировать каким-то заклинанием, поскольку в ней не заложено человеческого начала – а начало это всегда темное (поэтому говорят, что любая магия – черная).

В то же время, именно эти факторы делают Ши-Ян самой опасной магией на Земле, ведь человек с ней не в состоянии справиться. Как же это можно сделать без заклинаний, свеч и отваров? От лица всей Академии заявляю, что мы знаем ответ. И были потрачены сотни лет на самую точную и правильную выработку тех правил, с помощью которых человек сумеет найти с Ши-Ян общий язык.

– Не секрет, что позиционируя себя как учебное заведение, обучающее единственным чистым видом магии, вы получили столько внимания в глазах других магических школ, колледжей и академий, которые постоянно вас критикуют. Как вы к этому относитесь?

– Честно говоря, мы к ним и не относимся. Мы осведомлены, какие настроения по отношению к нам испытывают заведения, обучающие своих учеников неестественной магии, той, где преобладает тьма и злость, и мы просто идем своим путем. У каждого он свой. Просто наш является более честным по отношению к природе, а поэтому самым сильным и опасным. Многие заведения нас опасаются, критику мы получаем в основном по слухам.

– Как можно поступить в Академию?

– В настоящий момент в Академии обучается триста восемьдесят шесть учеников, каждый из которых прошел самый сложный путь, чтобы оказаться в этих стенах. Не хочу преувеличивать, но и преуменьшать смысла нет: чтобы стать Ши-Ян, следует пройти немало трудных испытаний и сдать вступительные экзамены, и на это дается три попытки. Список экзаменов и испытаний всегда висит в нашем вестибюле, вы можете с ним ознакомиться. Более того, уже как три года в летнее время в сорока городах Японии от нашей Академии высылаются учителя Ши-Ян, готовые помочь с подготовкой к испытаниям, у них же можно получить необходимую литературу для вступительных экзаменов. Список этих городов также висит в нашем вестибюле. Там также утверждены имена преподавателей, которых мы отправим в тот или иной город. Непосредственно я, например, буду направлена в Нагано.

– Обычный человек в состоянии попасть в стены вашей Академии? Скажем, я, Тара Ямада? Откуда мне можно узнать о вас? Самый обыкновенный японец.

– Как и любое магическое заведение, Академия Ши-Ян скрыта от простого люда. Разумеется, обычный человек не может узнать о нас, ему просто неоткуда черпать информацию. Тем не менее, необязательно иметь в своем роду колдунов или магов для поступления к нам. Ши-Ян – доступная магия в общем понимании, любой человек при правильном подходе и уважении к естеству природы способен управлять ей. Важно понять: Ши-Ян окружает нас везде, это словно воздух, которым мы дышим. Остается только научиться правильно дышать.

– Но как тогда люди узнают о вас?

– Как правило, это дети родителей, которые в свое время у нас обучались. Или друзья детей родителей. По статистике, ежегодно к нам просится около трех тысяч человек, но вступительные сдают в десять раз меньше, а то и в пятнадцать. Статистика не сильно скачет из года в год. Поэтому желающих всегда много.

– *Вы упомянули, что для поступления в Академию дается три попытки...*

– Совершенно верно. Они даются с огромным временным перерывом: к нам можно поступить в одиннадцать лет, в двадцать два и в тридцать. Сделано это неспроста: магия Ши-Ян, из исследований Академии, открывается только для людей в данных стадиях возраста. В пятнадцать или, скажем, тридцать вы с ней контакта не найдете. Этому есть объяснение, но я бы не хотела вдаваться в подробности, да и не думаю, что это будет интересно вашим читателям.

– *Напротив, они бы были очень рады разузнать об этом поподробнее.*

– В любом случае, это информация, которую мы освящаем исключительно на наших лекциях, и говорить об этом без разрешения директора я бы не хотела. Дело не в конспирации: тема возраста для поступления является крайне болезненной как для самого поступающего, так и для нас, персонала. Более точное объяснение, как мне кажется, вам может предоставить сам директор. Если, конечно, сочтет это уместным.

– *Человек из другой страны к вам поступит? Скажем, испанец?*

– Пока к нам не поступил ни один иностранец. Я хочу сказать, некоторые пытались – в этом году шестнадцать ребят из Америки сдавали экзамены, но провалились. Говорить о том, дело ли это плохой подготовки самих ребят или же гипотезы, что магия Ши-Ян особенно расположена лишь к тем, кто проживает в Японии, пока рано. Данный вопрос находится на стадии изучения. С другой стороны, с нами работает один потрясающий коллега, исследующий "Трансляцию Живого Вещания" – науку живой картинки без земной аппаратуры, – господин Готарт Новак. Как вы поняли, поляк. Делайте выводы сами.

Сузуму Такахашии также напомнила, что Академия Ши-Ян была основана раньше всех остальных магических заведений, и в отличие от них, Академия успела пройти через огонь и воду, чтобы не только оставаться на плаву, но и занимать лидирующие позиции. Преподаватель Такахашии намекнула, что в истории Академии имелся самый темный период, который может окутать целый мир в любой момент, если ослабить могущество заведения – именно это пытаются сделать его враги, один из которых давно находится в бегах, но что это за враги – Сузуму Такахашии уточнять вежливо отказалась.

Не секрет, что всякое магическое заведение направлено на свержение зла, которое сама магия и породила, но что-то особенное есть в Академии Ши-Ян, какая-то темная тайна, словно вынуждающая это место никогда не сдавать позиции и стремительно набирать обороты. Но что это за тайна и какие скелеты в шкафу хранит Академия – на настоящий момент остается только гадать.

С вами был Тара Ямада, до скорых встреч!

Глава третья ИСТОРИИ

– А что, ты разве не любишь отдаленные от сумбурной городской жизни места? – удивилась Мизуки, вытирая губы салфеткой после обеда.

– Не мое, – ответила я, пожав плечами. – Я же родом из Уатэ. Как ты думала? Кстати, бенто очень вкусно получился. Спасибо.

– Да не за что. Ты это, прости, но тебя душой компании не назовешь. Какая-то ты скромная. Вот я и решила, раз тихушница, то отдаленное место проживания тебе будет в самый раз.

Я покачала головой, мягко улыбнувшись.

– Набор стереотипов, Мизуки. Скромный не всегда жаждет отдалиться от людных мест. Есть такая категория людей... Называется наблюдателями, не слышала о таких?

Мизуки захлопала ресницами – значит, нет.

– Наблюдатели, – повторила я и улынулась шире. – Они не любят прямого контакта с людьми, общение с ними им доставляет дискомфорт и неудобства, но они в этом и не заинтересованы. Что им больше всего интересно – так это смотреть. Смотреть, наблюдать, анализировать, делать какие-то выводы. Обычно наблюдатели садятся на самые задние места в помещениях, залах, кабинетах – им важно понимать ситуацию, коллектив, сложить об обществе определенное мнение, и неважно, является ли он его частью или нет. По факту, конечно, является. Но эти люди предпочитают полагать иначе. Таким образом, они волей-неволей да частью общества являются. А жить вдали им представляется скучной затеей. За кем смотреть? Кого изучать? Не хочу сказать, что отношусь к данной категории людей, я просто отреагировала на твою фразу. Я вовсе с ней не согласна.

Мизуки выдержала паузу. Опустила голову на пару секунд и, угукнув, поджала губы.

– А ты умнее, чем я думала, – пробурчала она. Выдержала паузу, изучив свои ладони, и спросила: – Так какие у тебя планы по приезде?

Я глянула на нее исподлобья. Знала же, спросит еще раз. А отвечать я не очень хотела.

– По приезде? – уточнила я, пытаюсь потянуть время.

– Ну да. Вот представь: вышла ты из поезда со своим рюкзаком на спине. Что дальше? Куда пойдешь?

– В ближайшую кафетерию, – пожала я плечами. – Возможно, в ту, что будет на железнодорожном вокзале.

– Ага, – выжидающе кивнула Мизуки. – Ну, а дальше?

– А дальше я куплю себе чай и что-нибудь сладкое.

– Ну, так а после? – выпытывала та. – После кафетерии?

Маска, которая медленно опускалась на мое лицо, становилась все темнее и темнее. Уже более отстраненно я произнесла:

– Кажется, я уже сказала, что разберусь на месте.

Мизуки удивленно вскинула брови и прижалась спиной к стене купе.

– Нет, ну это-то понятно. Ты, как и я, за свободой едешь. Но слушай... Хоть как-то надо свой план действий составить.

– План? – неохотно сказала я и вздохнула. – План в его отсутствии.

Мизуки вдруг медленно улынулась и оценочно взглянула на меня.

– А ты из тех девчонок, что любят рисковать, да? По тебе не скажешь... – (В этот момент я подумала, что по мне много чего, видимо, не скажешь) – Я сама рисковать люблю, но... я бы предусмотрела плана три-четыре на будущее. Конечно, я сторонник позиции жить здесь и сейчас, однако за будущее беспокоиться никто не отменял. Одно другому не мешает. Точно тебе говорю. Есть свобода, а есть безответственность. Вот например: собралась я, значит, из Америки в Японию лететь. Почитала правила, обычаи, – с языком все в порядке, слава богу, – присмотрела городок, хороший для проживания, собрала все нужные вещи, купила билет и прилетела. А если бы не подготовилась? Что б я делала? И к чему был бы неоправданный риск?

– Рисковая позиция? – мотнула я головой – Я же ни чем, по сути, не рискую.

– Ну, как же. А если место для проживания не найдешь?

– Найду, – заверила я. – Что это за город такой, где переночевать негде?

Мизуки мои слова почему-то удивили.

– Ты бы удивилась.

– Удивилась бы? – недоуменно переспросила я.

– А ты не знаешь, в какой город едешь?

– Знаю. И в чем там дело?

Мизуки поджала губы. Словно разочаровалась.

– Ну ты даешь, сестра...

В купе к нам постучалась проводница и поинтересовалась, нуждаемся ли мы в чем-то. Я вежливо поблагодарила и отказалась, а Мизуки попросила принести чай. Проводница улыбнулась, быстро удалилась и пообещала скоро вернуться.

– Ты же только что пила, – тут же посмотрела я на Мизуки.

– Ты что, это же бесплатный чай! И в поезде! У них вкусный чай.

Я покачала головой и невольно рассмеялась.

– Странная ты, Мизуки-сан.

– Не более тебя! Ну да ладно, это мы еще обсудим. По-моему, ты и малейшего понятия не имеешь, куда едешь.

Я промолчала и отвела взгляд к окну. Я всегда так делала. Прекращала зрительный контакт с человеком, владеющим информацией, получение которой сулило бы мне серьезно полатиться. Своей правдой. А правда у меня – вещь неоднозначная. Не всякий поймет, даже если узнает. Поэтому лучший выход – посмотреть в окно. За ним спокойно появлялись и исчезали зеленые леса, необъятных размеров поля и тянущиеся к небу горы – такие высокие, что из окна вершин не рассмотришь. Тем временем, проводница уже вернулась с белой кружкой чая на подносе. Приятный аромат трав забился в каждый угол купе и одурманил мне голову, пока Мизуки делала маленькие глотки.

– Не хочешь?

– Нет, – улыбнулась я. – Спасибо.

– Да один глоточек!

– Я гермофоб, спасибо.

Я не солгала. Наверное, это не очень-то и важно, гермофоб я или нет, но мной не переносились любые емкости, из которых кто-то пил. Я считала это ужасной антисанитарией для своего рта. Что касалось остального – я не уделяла большого внимания. Скажем, я бы не стала промывать каждую виноградинку влажной салфеткой перед употреблением. Но я хорошо знала людей, следующих этим правилам. Что неудивительно – их ломила самая обыкновенная простуда. Так уж устроен наш организм – не будь он в постоянной борьбе с микробами (что фактически происходит ежесекундно), малейший сквознячок покажется тяжелейшим вирусом. Впрочем, мерами предосторожности пренебрегать не стоит. Просто, как мне казалось, любое дело должно исполняться в меру. Иначе это бы называлось фанатизмом.

– Даже вот как, – многозначно произнесла Мизуки. – Удивительный ты фрукт, Коан-сан.

Раздался вибрирующий звук, доносящийся из моего рюкзака. Телефон. Из техники я больше ничего брала. Странно. Я ни от кого звонка не ждала. Да и, раз на то пошло, звонить было некому. Я озадаченно наклонилась к рюкзаку, вытащила из маленького кармашка мобильный. Посмотрела на экран. Номер незнакомый.

– Ты ведь не настолько странная, чтоб не знать, как нужно отвечать на звонок? – спросила Мизуки.

– Мизуки-сан, тебе есть, чем записать? Я бы скрин сделала, но ты сама видишь, какой у меня телефон.

А телефон у меня был древний. Модель двухтысячного года. Кнопочный, красного цвета. Экран маленький, функции ограничены.

– А разве...

– Мизуки-сан, вопросы потом, – напористее сказала я.

– Боже, хорошо-хорошо.

Мизуки торопливо полезла в карман своей черной куртки, вынула беленький айфон и дала команду. Пока телефон вибрировал, я быстро продиктовала номер. Вибрация оборвалась – и номер мгновенно исчез. Я проверила во входящих – пусто.

– Записала?

– Ну да, – показала Мизуки экран айфона. – Правда, в любом телефоне можно просмотреть журнал вызовов. Даже в таких допотопных, как у тебя.

Я молча вбила незнакомый номер в телефон, набирая его с экрана Мизуки, и когда сохранила в список контактов, он тут же исчез. Пропал, будто его и не было. Я повторила операцию три раза, но результата ноль. Мизуки ждала хоть какого-то комментария. Для нее, наверно, все выглядело так, словно я от кого-то скрывалась. Или будто я спятившая полоумная девица, мчащая черт знает куда без всякого плана.

Я вежливо улыбнулась Мизуки, на лице которой отражалось слабое недоумение.

– За тобой что, кто-то гонится? – в шутку спросила она.

Во всяком случае, мне думалось, что спросила она в шутку.

– Да нет, – непринужденно махнула я рукой и швырнула телефон обратно в рюкзак. – Это я так. Один номер названивает да названивает. Кошмар. Я раз ответила, сказала, что ошиблись, а они опять звонят.

– Добавь в черный список.

– У этого старичка нет такой функции. Хотелось бы.

– В следующий раз будут звонить, я могу ответить. Я бы им задала по полной! – взбунтовалась Мизуки. – А чего людей бесить, не пойму. Сказали же, не туда попали. Опять досаждают. Люди такие глупые...

– Не то слово, Мизуки-сан. Слушай, ты можешь сохранить номер у себя? Мой телефон что-то глючит. Не факт, что он понадобится, конечно. Но вдруг.

– Да не вопрос. Сохраню.

– Спасибо.

Вечером мы сытно поужинали, и вновь угощала попутчица. Мне становилось страшно неловко от ее любезности, но затем, как я поняла, угощение явилось платой за часовые рассказы Мизуки о своей жизни. Начиная с раннего детства и заканчивая вчерашним днем. Я услышала все: и период взросления, и первая любовь, и проблемы в школе и колледже – Мизуки каждую историю сопровождала мельчайшими подробностями. Мизуки умела ярко и «сытно» их подавать – как самый вкусно приготовленный донбури – хотелось слушать и слушать. Правда, уже к середине историй я начала клевать носом. Слишком много рассказов... Я бы на ее месте делала маленькие перерывы, от такого звонкого голоса уши у любого завянут!

– И я его послала к чертям собачьим! – самоуверенно рассказывала попутчица. – Нет, а на кой черт мне сдался двоюродный брат, который ни разу в жизни не поинтересовался, как у меня дела? У него имелась тысяча возможностей, у этого негодяя! Ну, а когда мы спустя десять лет снова увиделись – встретились семьями – и он деньги у моих родителей украл, все стало ясным: не зря я его невзлюбила с самого начала! Всегда он был таким, знаешь, гадким и мерзким. С ранних лет. Вот не зря я его невзлюбила, – снова повторила Мизуки. – Наши семьи больше не общаются: его родители на стороне сына, уверяют, что он ничего у нас не крал, а мои родители знают правду. Моя мама лично все видела. Тошнотворный, скользкий тип мой братец!

– Вот это д...

– В Фейсбуке я его кинула в «ЧС»! – не давала мне и слова вставить Мизуки. – Пусть катится куда подальше! Это ты не знаешь, как мерзко он вел себя маленьким! Мы тогда у бабушки гостевали. По папиной линии. Дрались как уличные коты!

Да уж: истории Мизуки без преувеличения подавались ярко, но по содержательности выглядели обыкновенными, как у всех нормальных людей. Друзья, родители, школа, любовь, работа, колледж... Ничего сверхъестественного. Не то чтобы я говорила, будто это плохо – жить в нормальной среде и сталкиваться с простыми проблемами. Просто моя жизнь состояла из совершенно других историй, да и сама я принадлежала иной среде... Люди, с которыми я сталкивалась, не стали бы делиться такого рода рассказами. Они бы сочли их непомерно занудными. В конкретно моем случае спасала смелая подача Мизуки. Такой подаче следовало поучиться мне самой. Рассказчиком я слыла довольно слабым.

– Коан-сан, вот так дела! – в один момент удивилась Мизуки и хлопнула руками по коленам. – Мы в пути уже девять часов, а я о тебе ничего толком не знаю!

Она переключила на меня внимание, что меня совсем не обрадовало. Уж лучше бы продолжила свои истории. Я бы перетерпела. Но так или иначе, у любого исхода были бы свои минусы.

– У меня скучная жизнь, – скромно пожала я плечами.

– Ой, заливаешь мне тут! – тряхнула головой Мизуки. – Давай, расскажи хоть что-нибудь! С любым человеком хоть раз в жизни должно приключиться что-то интересное!

Я вздохнула и запрокинула голову кверху. О чем бы рассказать? Нужно отсортировать рассказы. Это прежде всего. Иначе, если пойму, что проговорила где-то в середине, будет поздно. Мизуки такая – начнет докапываться. А выдумывать я не хотела. Хм.

– Твоя мама, ты упомянула, живет в Америке, – начала Мизуки, увидев мое озадаченное лицо – уж больно долго я пыталась отыскать нормальную историю в своей голове.

И она однозначно шагнула на очень опасную территорию.

– Это неинтересно, – холодно улыбнулась я. – Вот знаешь, ты мне рассказала про своего двоюродного брата, а у меня двоюродная сестренка... Ей всего девять. Я очень люблю ее. Мы жили в одном доме, она во мне души не чаяла. А когда я этим утром собрала все вещи и покинула дом, я ничего ей даже не сказала. И словом не обмолвилась. Просто пропала. Я не собиралась говорить об уезде семье, но... В ее составе есть человек, который всех успокоит. Об этом я не переживаю. А вот об Акико думаю...

– Акико – имя твоей двоюродной сестры?

– Да. Она, наверное, сильно обиделась на меня. Мы были так близки, она любой мелочью делилась, как и я... А тут раз – и исчезла. На ней это как-то даже отразиться может. Психологически, я имею в виду.

Мизуки медленно кивала. Вздохнула и сказала:

– Да, она от любого человека может ожидать предательства. А может и нет... Ты ей совсем-совсем ничего не сказала за день до ухода? Хоть что-нибудь?

– Я оставила ей письмо, – ответила я. – Положила ей под подушку, пока она спала. В нем я извинилась за свой уход и добавила, что однажды мы увидимся.

– Однажды?

– Да. Я не могла ей лгать. Увидимся мы далеко не скоро.

– Ну, сестра, ты, конечно, честная... – пробормотала Мизуки. – Честность не всегда хороший выход. Ты же понимаешь это?

О, да, подумала я. Понимаю как никто другой.

– Врать я не люблю.

– Я тоже, – призналась Мизуки. – Но мы все, так или иначе, врем.

– По пустякам, – заметила я, имея в виду непосредственно себя. – Врать по пустякам – это не та ложь, на которую необходимо обращать внимание. Это мелкие детали. Незначительные. Вернулась я домой в шесть или семь – это так важно? Нет. Вот мы и не вдаемся в подробности. Я не исключение. А такого рода ложь, как пообещать дорогому человеку вернуться скоро, а

на самом деле, возможно, не вернуться никогда – это не просто вранье, а чистой воды предательство. Я не хочу предавать Акико. Хотя, очевидно, уже предала. Самим своим уездом.

Мизуки поджала губы. Моя откровенность, похоже, тронула ее.

– Все будет хорошо, Коан-сан. Я хорошо предсказываю. Точно тебе говорю: все закончится хорошо. Мы все – вершители своих историй, – как факт произнесла она. – И ты, уверена, найдешь возможность и повидaeшься с Акико-чан. Раз уж не скоро, то, как ты и написала, однажды.

– Однажды, – досадно кивнула я.

Мизуки помолчала пару минут, пока я ушла в себя, и поинтересовалась:

– Слушай, Коан-сан, вот ты сказала, в вашей семье есть человек, который успокоит остальных. Что ты имела в виду? Этот член семьи, выходит, знал о твоих планах?

Я опустила тысячу подробностей, которые бы напугали Мизуки, и кратко ответила:

– Да.

– Хорошо, – так же кратко кивнула девушка и поправила свои темные выющиеся волосы. – Как я поняла, для тебя это слишком личное. Не хочешь говорить – не надо. Просто... Я хочу понять, зачем ты поступаешь так категорично? Вот у меня с семьей такие проблемы, мама и папа из меня все соки выжимали, жила я с ними или отдельно – и я покинула Америку в поиске себя и свободы. Но я-то знаю, что они меня любят. И я поддерживаю с ними связь. Редко, по смс, или созваниваться раз в неделю-две будем. А ты... с ней созваниваться не хотела бы?

– Хотела бы, – слабо улыбнулась я.

– Но?

– Но я не могу. У меня на это есть причины.

– У тебя терки с семьей? Должно быть, да, – предположила Мизуки, видя, что я подтверждаю. – Или ты решила окончательно сжечь мосты.

– Понимаешь, Мизуки-сан, многое здесь зависит не от меня. Обстоятельства, в которые я попаду, могут сыграть более значительную роль, чем я сама.

– Но ты не знаешь, в какие обстоятельства попадешь, – прищурилась Мизуки.

– Ну да. Можно и так сказать.

– Как ты там любишь говорить... Разберешься на месте?

– Именно.

Девушка глубоко вдохнула и выдохнула. Разговаривать со мной было той еще работенкой. Я видела, как Мизуки вымоталась за эти пять минут.

– Поэтому-то я очень осторожна в выборе слов, – пояснила я. – Вы сказали, Мизуки-сан, что мы, люди, – вершители судеб, но именно при получении полной свободы мы вынуждаем себя в чем-то ограничиться. Моя свобода – это та, где я начинаю новую жизнь. Без семьи. Без Акико. Возможно, я оглянусь назад. Но я этого не знаю. Вот и иду вперед.

Мизуки озадаченно, с ноткой опаски, уточнила:

– Но кому же нужна такая свобода, Коан-сан? Отчего ты так бежишь? Или к чему?

Я отвела обремененный взгляд к окну, разглядела луну сквозь затянувшие небо тучи и негромко сказала:

– Разберусь на месте.

Глава четвертая

ИНТЕРВЬЮ #2

Статья из «Научного Мира Зазнаек», выпуск от пятого апреля 1952 года.

Приветствую мир зазнаек! С вами вновь бессменный журналист Тара Ямада и его постоянная колонка уникальных мест, о которых вы едва могли слышать.

И сегодня я бы хотел вернуться в место, уже упомянутое в моей колонке год с лишним назад. Место это отдает мистикой, его покрыли огромным слоем тайн и загадок, а обучающиеся там люди далеко не самые простые. Они практически избранные!

Академия Ши-Ян снова в центре внимания.

Мне повезло во второй раз выйти с ней на контакт, ведь, как нам известно, эти ребята всегда очень заняты для общения с публикой. Академия любезно согласилась дать мне интервью. «Ну и удача! – подумал я. – На мою просьбу откликнулись. Любой другой журналист бы мне завидовал. А чего греха таить – уже завидуют!».

Сегодня Академия особенно предрасположена для гостей (правда, сложно говорить об остальных с тех пор как я являюсь единственным гостем): теплый прием мне оказывают сразу на входе. Это преподаватель истории Ши-Ян, профессор Киюши Танака. Он приветливо машет мне рукой, широко улыбается и кланяется. Сразу ведет меня по коридорам Академии, согласившись показать свой кабинет.

– Я читал вашу статью, – говорит профессор, остановившись у одной из дверей широкого коридора, выложенного темным крупным камнем.

– Читали? – удивляюсь я. – Мне приятно слышать.

– Да что уж там. Вся Академия читала. Уже директор точно ознакомился.

Пока профессор Танака стоит ко мне спиной, открывая дверь, я навожу объектив на пустующий коридор и пытаюсь сделать кадр.

– Фотографировать запрещено, – вдруг предупреждает профессор.

Я удивляюсь: он же стоит спиной, как он видит? Зеркал нигде нет. Отражений тоже. А затем я с глупой улыбкой качаю сам себе головой, вспоминая, что нет смысла искать ответы в магии. Вернее, в том, как она работает. Особенно если речь идет о магии Ши-Ян.

Дверь открывается. Профессор Танака пропускает меня в кабинет и закрывает за собой дверь. Здесь кроме меня темнота, будто беспросветная пещера. Раздается щелчок выключателя, и комнату озаряет яркий свет. Я поднимаю голову к потолку и ничего не понимаю: откуда поступает источник света? Затем замечаю в стене напротив три обыкновенных окна, в которых светит солнце. Выходит, источник света – они? Тогда зачем выключатель? И что он включил? Я осматриваю кабинет: пол, потолок и стены полностью выложены из того же темно-синего камня, что и коридор. Камень очень крупный и холодный, это ощущалось через обувь. Кабинет в целом очень просторен и устроен обыкновенно, с зеленой доской, мелками и партами в три ряда. Профессор наблюдает за моими передвижениями: я подхожу к окнам и выглядываю – за ними повсюду голубое небо и белые облака. И правда, ведь мы парим. Я сажусь за одну из парт и представляю себя учеником Академии – на лице профессора появляется маленькая улыбка. Интересно, что она значит?

– Говорите, директор читал мою статью? – спрашиваю я и поднимаюсь из-за парты, продолжая осматриваться.

– Да.

– Судя по всему, ему понравилось.

– Совершенно точно, – кивает профессор Танака. – Иначе вас бы здесь не было второй раз. Большая удача, что вы в Академии. Директор не любит журналистов. Говорит, они искажают правду.

– Это если она пропагандирована, – отвечаю я. – Мои статьи таковыми не являются. Напротив, я всегда стараюсь добраться до правды и предоставить читателю информацию со всех сторон, а не с какой-то более выгодной.

– Этим вы директору и понравились. Статья была написана замечательно, – отмечает профессор.

– Спасибо.

Я оборачиваюсь к задней стене кабинета и вижу еще одну дверь – железную и прочную. Оглядываюсь на профессора и вопросительно смотрю на него.

– Там ваша лаборантская?

– Я же преподаю историю, – пожимает плечами он и проходит между рядами, приближаясь к этой двери. – Там не лаборантская. Всего лишь необычные экспонаты.

Я прошу преподавателя ознакомить меня с экспонатами, наличие которых меня завесомо интригуют. Он соглашается. Достает из кармана ключ, делает три оборота и открывает дверь. Из темного проема доносятся сырость и холод.

– Пока ученики на уроках и не начался мой, у нас есть время для интервью, – сообщает профессор Танака и заходит внутрь.

Раздается непонятный щелчок, и комнату так же озаряет прямой свет. Он явно шел с потолка! Но и в той комнате сверху не висело ламп. Всего лишь пустой потолок.

Я прохожу внутрь. Комната вдвое меньше и уже. Окон нет. На стенах висят широкие рамы с фотографиями и текстами, походившими на исторические справки, а на полу в четыре ряда и четыре столбца стояли деревянные тумбы, на которых располагались самые разные и необъяснимые вещи. Каждая вещь была накрыта стеклянным куполом. Я подхожу к тумбе, находившейся ко мне ближе всех. Смотрю, что на ней находится. И ничего не понимаю.

Под стеклом, постоянно извиваясь, в воздухе парит вещество, словно тяжелый дым от костра или призраки ядовитых змей, готовых нанести атаку. Цветом вещество золотистое и яркое, оно броско отсвечивает, не имея ни формы, ни назначения, которое можно было бы ему приписать с первого взгляда. Обычный человек бы этого не понял. Я являюсь обычным человеком.

И по-прежнему ничего не понимаю.

– Что это такое? – указываю я на неизвестный предмет.

Профессор закрывает за собой дверь, поправляет очки, глядя на этот предмет, и спокойно отвечает:

– Это боль.

– Боль? – переспрашиваю я. Обращаю внимание на табличку, прикрепленную к тумбе, и прочитываю название: «Боль». Видимо, тут сыграла моя невнимательность. Но я все равно ничего не понимаю. И задаю вопрос: – Чья это боль, профессор?

Киошии Танака складывает руки на груди и многозначительно вздыхает. Почему-то он подолгу молчит, словно хочет, чтобы я обратил внимание на что-то еще. Я перевожу взгляд на другие предметы – медленно прохожу мимо каждой тумбы. Я вижу и человеческие черепа, и черепа неизвестных мне существ очень странной формы, и средневековые мечи, и какие-то мелкие красные камни, напоминающие алмазы. Я вновь вопросительно смотрю на профессора, стоя по другую сторону тумб.

– Любой предмет хранит в себе энергию, – наконец поясняет Киошии Танака. – Кость, камень, череп, даже обыкновенная песчинка. Энергия способна передать и качество предмета, и его возраст, и его историю, и, самое интересное, его настроение. Да-да, вы не ослышались, господин Ямада. У любого предмета есть настроение. Оно накладывается непосредственно человеком или другим живым существом. В стенах Академии любые существа мы называем одним словом – явление. Пожалуй, я рискую сослаться на чересчур внутреннюю информацию, но японские ученые уже больше полугода занимаются исследованиями структуры воды. Они пытаются доказать, что вода может «записывать» все, что видит. В метафорическом смысле, у воды есть глаза. Возможно, вода даже умеет слышать. Но ученые Японии уже точно доказали одно: вода впитывает в себя энергетику человека. Мысли, которые он испытывает, слова, которые он произносит. Вода впитывает любое явление в себя. Ученые убеждены, что вода во всех смыслах есть отражение человека. Академия не сотрудничает с учеными Японии, мы не заинтересованы в этом. Мысль, которую я хочу до вас донести, гос-

подин Ямада, заключается в следующем: люди научным путем на одном конкретном явлении доказали то, что магия Ши-Ян смогла доказать более шестисот лет тому назад – причем на всевозможных предметах и явлениях. В данном кабинете собраны предметы, найденные в самых разных местах планеты в самое разное время. Нашли их наши ученики. Что объединяет эти предметы, спросите вы? Они принадлежат одному конкретному человеку.

– Одному человеку? – удивляюсь я.

– Совершенно так. Черепа разнообразных магических тварей, человеческие черепа, доспехи, вон на той тумбе мы с вами можем наблюдать меч средневековых времен – все эти предметы позволяют нам составить определенный портрет о человеке, а энергетика, изъятая из каждого из этих предметов, с точностью может сказать нам, кем являлся человек и как он выглядел.

– И что это за человек?

– Информация строго конфиденциальна. Все, что я могу вам сказать, это то, что данному человеку более семисот лет, он имел контакт с магическими животными, но всю свою жизнь провел в зависти, обидах и отчаянии.

Я возвращаюсь к самой первой тумбе с извивающимся золотистым веществом, слепящим глаза, и указываю на него рукой.

– Эту боль испытывал данный человек?

– Нет, – качает головой профессор. – Мы его ни разу не видели. Но судя по энергетике предметов, собранных здесь, человеком он был ужасающим. Эта боль передает настроение каждой косточки, черепа и даже меча. Он убивал людей, он издевался над животными, иными словами – он причинял миру зло. Данные предметы лишь впитали в себя то, что происходило с живыми на тот или иной момент существования.

– То есть магия Ши-Ян изъела общую энергетiku из всех этих предметов, и получилась энергетика боли? – уточнил я.

– Да, именно так. Каждый собранный предмет передал лишь одну энергетiku – боль. Ни любовь, ни заботу, а лишь боль. Ну, имелись так называемые отголоски энергетики зависти, алчности и смерти. Не столь значительные, хоть и имелись. Но стоит напомнить, что магия Ши-Ян не смешивает разные виды энергетики. Они все были извлечены и отделены друг от друга.

– Могу предположить, иные виды энергии этих предметов расположены в другом кабинете?

– Вы правы. В одном кабинете мы храним только один вид энергетики. Помещать несколько в одно помещение чревато.

– Что ж... хорошо, – киваю я. – Тогда могу ли я предположить, что данный человек, чьи предметы вы искали столько много лет, сейчас жив и вы открыли на него своеобразную охоту? Он представляет опасность для вашей Академии?

Профессор Киоши Танака внезапно меняется в лице, сильно нервничает и поправляет свой галстук.

– Я... На самом деле, это не имеет никакого значения, – он начинает говорить очень быстро, местами запинаясь. – Человек давным-давно мертв, а если и нет, нашей задачей не заключается его найти. Главная цель данного мероприятия была лишь в наглядной демонстрации возможностей магии Ши-Ян. Мы доказали, что магия способна изымать энергии из любых предметов. Вот и все.

– Но ведь это не лаборантская, верно? – спрашиваю я. – Как вы сами сказали, здесь хранятся экспонаты, а преподается тут история. Демонстрация возможностей, доказательства... Это разве не наука?

Профессор кашляет в кулак и начинает озираться по сторонам.

– Не могли бы не задавать вопросы один за другим, не давая мне возможности ответить...

– Прошу прощения, я не хотел вас перебивать. Тем не менее, как я и сказал, задача журналиста состоит в освещении событий со всех сторон, а возможно это только при задавании рвущихся на поверхность вопросов. Не задать их было бы несправедливо по отношению к моим читателям.

– При всем уважении, господин Тара Ямада, я не могу углубляться в данные тонкости без согласования с нашим директором. У Академии есть множество врагов, норовящих заполучить ту информацию, которую вы сейчас пытаетесь извлечь. Иными словами, вы делаете для них бесплатную работу.

– Что ж, хорошо, – соглашаюсь я. – Я бы не хотел, чтобы у вашей Академии были проблемы. Однако я не могу не спросить вот о чем, и мои читатели меня не простят, не задай я этот вопрос... Вы упомянули об исследованиях ученых на тему воды, сослались на внутреннюю информацию. Тут же вы добавили, что с учеными не сотрудничаете. Откуда тогда вы владеете этой информацией? Кто ваш источник?

– Пожалуй, это справедливый вопрос, – замечает профессор, хоть и смущается. – В наши ряды с недавних пор попал бывший японский ученый. Он и открыл перед нами завесу того, над чем сейчас работают его коллеги. В прошлом, коллеги, разумеется.

– Интересно, – киваю я. – Выходит, он узнал как-то о вашей Академии? Когда я год назад интервьюировал здесь Сузуму Такахашу – другого преподавателя – она сказала, что преимущественно к вам попадают дети родителей, которые, в свою очередь, были вашими учениками. Родители этого ученого – обычные люди или, все-таки, обучались здесь? И если обучались, можно ли предполагать, что исследования ученых за последние столетия основываются на исследованиях магии Ши-Ян?

– Нет-нет, – резко качает головой профессор, даже немного возмущившись моему вопросу. – Что же вы такое говорите? Будь это так, мы бы работали против самих себя. Запустили бы бомбу замедленного действия. Поймите, господин Ямада и все ваши читатели, принцип работы нашей магии открыто не публикуется – вы не представляете, какой хаос постигнет планету, узнай ученые все секреты и детали Ши-Ян. Да даже обыкновенные идеи, которые, как вы хотели бы предполагать, могли бы служить толчком для исследования ученых Японии – это, конечно же, нонсенс. Мы бы никогда и никому не стали отдавать свои идеи и открытия – это в наших же интересах.

– Понимаю, понимаю, – говорю я. – В таком случае, последний вопрос, господин Танака. Человечество, люди – в какую категорию вы бы их вписали? Друзей, товарищей или врагов?

– У нас нет никаких категорий. К человечеству мы относимся с глубокой симпатией, но считаем, что открытия, сделанные в этих стенах, являются крайне опасными для людей. Так или иначе, в масштабах наших открытий и тех, что делают обыкновенные ученые на Земле, могу заметить, насколько, в первую очередь, скрытно ведут себя они. И их тоже можно понять. Человечество очень легко ввести в панику и страх, а через страх управлять удобнее всего. Ученые Земли сделали множество открытий, публичное освещение которых ввело бы людей в ужас. А теперь представьте, как сильно наша Академия обгоняет простых ученых по степени возможностей, знаний, исследований и качеству. Что будет, попади наша информация в руки невежественного человека? Так и начинается хаос и паника, господин Ямада. Поэтому, повторяюсь, мы делаем благое дело, а к людям относимся с глубокой симпатией. Ведь давайте говорить честно – мы тоже люди.

На этом преподаватель Танака желал закончить интервью. К тому же, в коридоре его поджидал целый класс одиннадцатилетних учеников. Выглядели они обыкновенно, как самые

простые детишки. Правда, вели себя поразительно тихо и спокойно, в глазах я заметил не по годам развитую мудрость.

Киооши Танака проводил меня до входных дверей Академии и признался, что под конец интервью испытал некоторого рода стресс, и отметил мои навыки в выведении интервьюирующего из зоны комфорта. Он похвалил меня за умение внимательно слушать и дал напутствующий совет, который гласил: «Способность владеть осторожностью и храбростью – одно дело. Другое – уметь профессионально пользоваться обоими одновременно».

В интервью с Киооши Танака осталось несколько вопросов и моих личных предположений. Например, действительно ли тот человек, предметы которого столь тщательно искались сотни лет, не имеет никакого значения для Академии Ши-Ян? Неужели нельзя было найти другого, самого обычного человека и исследовать его вещи, пытаться изъять их энергетику для демонстрации успешно проделанной работы в области магии Ши-Ян? Конечно, профессор Танака слегка лукавил. Он так и не подтвердил смерть этого загадочного человека. На стенах кабинета, как мною было описано выше, висели рамы фотографий и прилагающиеся к ним исторические справки. К сожалению, мне не хватило времени, чтобы полностью прочитать все тексты, но я внимательно рассмотрел фото в шести рамах: на них был изображен один и тот же человек, но в разные отрезки времени. Тексты, как я могу предположить, также были посвящены ему. В моем предыдущем интервью год назад другой преподаватель Сузуму Такахашии заявила, что «в истории Академии имелся самый темный период, который может окутать целый мир в любой момент, если ослабить могущество заведения – именно это пытаются сделать его враги, один из которых давно находится в бегах». Это приведенная цитата. Вы можете ее найти в выпуске от 6 февраля 1961 года.

Так что же, выходит, мир может быть в опасности, а его целостность зависит от могущества Академии Ши-Ян? Если ученые временами опасаются просветить людей в свои, судя по всему, ужасающие открытия, то что же скрывает от нас Академия? На мой взгляд, раз опасность касается непосредственно нас, то мы имеет право знать.

И я обещаю добраться до правды.

С вами был Тара Ямада, до скорых встреч.

Глава пятая

«ЗАКРЫТО»

Ранним утром проводница проинформировала нас о скором приезде. Сделала она это за час, так что времени привести себя в порядок, собраться и выпить чаю хватило. В туалет выстроилась очередь, люди за дверью в наше купе провели около получаса в одном только ожидании. Хорошо, что мы с Мизуки предусмотрели толкучку и сбегали туда раньше остальных – я даже успела нанести на лицо маску и смыть ее.

Мизуки сидела напротив и зевала, почитывая свою книгу. Страницы она перелистывала медленно. Порой по одной и той же фразе пробегалась по нескольку раз – сразу видно, мыслями она была не в книге. Лишних вопросов я задавать не хотела. Догадывалась, что ее задумчивое молчание связано со мной. Своим ответом вчера вечером я ясно дала понять: ехала я с определенными целями, а моя недосказанность насторожила и заинтриговала Мизуки. Возможно, она меня даже побаивалась.

Как бы там ни было, в 8:30 поезд приехал на станцию. Я вышла из вагона с рюкзачком на спине, осмотрелась по сторонам и сделала глубокий вдох. Именно так пахнет новое начало. Именно такой запах у свободы.

– Ну что, идешь в кафетерию, а там – разберешься? – спросила Мизуки, выйдя следом за мной. Пять сумок, которые она умудрялась держать, будто вовсе ее не беспокоили. Люди удивительно быстро привыкают к трудностям.

– Как и планировалось, – улыбнулась я.

– Все-таки, планировалась, – подхватила Мизуки и улыбнулась в ответ. Улыбка показалась мне недоверчивой. – Слушай, Коан-сан, я уж не знаю, какие у тебя планы и как ты собираешься здесь выживать без прозрачности понимания, в какой город ты приехала, но... Вот.

Она достала из кармашка своей черной куртки маленькую белую бумажку и протянула мне.

– Мой номер телефона. Понадобится помощь – звони. Помогу, чем смогу, как говорится. Я взяла бумажку и положила ее себе в джинсы.

– Спасибо, Мизуки-сан. Ты так и не рассказала мне об этом месте. Что же в нем такого, о чем я не имею права не знать?

Мизуки как-то странно покосилась на прохожих.

– Как-нибудь потом поговорим, – сказала она, чувствуя дискомфорт.

– Здесь проблемы с законом или, может, люди своеобразные?

– Ну, если в двух словах... – задумалась она. – ТВОЮ МАТЬ!

Мизуки буквально упала на меня, выронив одну из своих сумок. Прямо за ней показался огромный мужчина средних лет, который и толкнул девушку.

– Ох, простите, простите! – извинился он, кланяясь. – Я не заметил вас, так много людей вокруг! Простите!

– А ну иди отсюда! – рявкнула Мизуки, отпрянув от меня и с возмущением оглянувшись на мужчину. – Пока полицию не вызвала! Извращенец!

Перепугавшись до чертиков, незнакомец быстрым шагом направился дальше и через мгновение пропал в море людей.

– Ты в порядке? – спросила я.

– Да, нормально. Чертов козел! Неужели и вправду не видел? Я что, блоха мелкая?

– Твоя сумка... – указала я.

К счастью, в той сумке, которую Мизуки выронила, лежали вещи, а не ноутбук. Девушка перевела дыхание.

– Мне бы вряд ли дали сказать. Так и думала.

– Что ты имеешь в виду? – склонила я голову вбок.

– Да так, просто мысли. Догадки. Неважно. В общем, если что, звони. Буду рада.

– Хорошо. Спасибо, Мизуки-сан.

– Пока-пока!

Она направилась к выходу из станции, идя вдоль поезда. Над ним, чуть правее, висела зеленая сверкающая табличка со словом «ВЫХОД», а рядом висела табличка оранжевого цвета.

– «Кафе», – прочла я и повернула голову вправо – туда, куда табличка и указывала. – Вот и замечательно.

Кафе располагалось впритык главному зданию железнодорожного вокзала: маленькое, непримечательное и унылое. Посетителей по пальцам можно было пересчитать, зато зал по просторности удивил. Я села у окошка, заказав себе лапшу и крепкий кофе. На черный столик падал свет с улицы. Он был гораздо ярче света ламп, что угнетающе горели внутри кафе. Казалось, еще чуть-чуть и они потухнут навсегда. В окне из стороны в сторону ходили люди, женский голос диспетчера постоянно объявлял скорые рейсы. Смотреть за передвижениями приезжих меня особенно не вдохновляло, поэтому я перевела взгляд на свой черный столик. Заметила хлебные крошки. Вдохнула, покачала головой. Ну кто же в кафе ставит черные столы? На темной поверхности всегда заметны любые изъяны. Так или иначе, я пыталась хоть

чем-то себя занять. Лапшу и кофе принесли минут через десять, так что подолгу скучать не пришлось. Я с удовольствием позавтракала, выпила кофе, который сиюминутно меня взбудрил, и покинула вокзал.

Шла вниз по улице, судя по всему, от центра, вдоль невысоких старинных зданий. Архитектура старая. Кое-где сыпалась шпатлевка, огромные и мелкие трещины красовались на фасадах домов культуры, офисов и обыкновенных многоэтажек. Неухоженная старинность города, пожалуй, была единственным бросающимся в глаза минусом. В остальном ничего выпячивающего я не заметила. Дороги чистые, росло много невысоких деревьев и стриженных пышных кустов, дышалось легко, мусор нигде не валялся. Я добралась до парка отдыха, где в центре вовсю брызгал фонтан, а на лавках, окруженные зеленым газоном, отдыхали люди. Кто за книгой. Кто с наушниками. Кто со второй половинкой. Я села на свободную скамью подальше от фонтана, перекинула ногу на ногу и достала из рюкзака мобильный. Не тот, что допотопный, а второй, современный, очень тонкий и с огромным экраном. Включился он быстро, и я принялась искать любой недорогой рёкан в городе. Результат выдал семь адекватных по цене рёканов. Четыре я отсеяла сразу. Располагались слишком далеко от центра, чуть ли не на окраине города, если не за его пределами. Осталось три. Я позвонила в первую, и мне с сожалением сообщили о наличии только двухспальных комнат, отчего я отказалась. Во второй сказали, что бронь необходима за неделю до въезда, а в третьей просто-напросто не взяли трубку.

– Ну и ну, – неприятно удивилась я. – Вроде город как город, а поиск ночлега вызывает столько проблем.

Хм. По-моему, Мизуки именно об этом и предупреждала, подумала я. Ну да ладно. Неужели нет и единого шанса найти крышу над головой? Хотя бы на одну ночь? Глупости какие-то. Наверняка должны иметься hostels. На том же сайте рёканов я обнаружила комментарии проезжавших мимо людей, которые рвали и метали на тему отсутствия нормальных рёканов и полного отсутствия hostels. Они шутят? Я принялась искать hostels самостоятельно в общей строке, но результат выдал абсолютный ноль.

– Ничего не пойму, – нахмурилась я. – Что за город такой, где hostels нет? Вроде же миллионник.

Ладно, черт с ними, с hostels. Я была готова выбрать и рёкан подороже, лишь бы не ночевать на вокзале. Но внезапно сайт, который предлагал несколько хороших вариантов, вылетел без намека на возвращение. Вскоре и строка поиска перестала отвечать. Я перезагрузила телефона, отключила и включила Интернет, но ни европейских hostels, ни рёканов больше не предлагались. Решила почитать историческую справку о городе, но и тут он ничего не выдал.

– Какого черта? – покачала я головой.

Подняла глаза на людей, отдыхающих в парке. Выглядели они вполне нормально. Стоило обратиться к ним. Может, подскажут с чем-нибудь.

– Простите, – подошла я к скамье, на которой в обнимку сидела влюбленная парочка. – Вы не подскажете мне рёкан, куда бы я могла заселиться? Без брони и прочих сложностей.

Парочка отстранилась друг от друга и приветливо мне улыбнулась.

– Здравствуйте. А вы приезжая, видимо? – дружелюбно спросил парень.

– Да, с поезда сошла час назад всего.

– Понятно, понятно, – кивнула несколько раз девушка. – Что же, тогда добро пожаловать! Городок у нас небольшой, зато чистый и мирный. Вы надолго?

– Как получится, – скромно ответила я и улыбнулась.

– Ну-у, в общем-то, – задумчиво приложил парень палец к подбородку, – рёканы у нас есть... Тетя моей подруги останавливалась в месте под названием «Тазава». Рёкан вроде приличный, недорогой. Номера не высший сорт, но я знаю, что там чисто, мебель новая, телеви-

зор, холодильник, душевая... Все это есть. Въезд без брони. Берешь и приходишь к ним. Без проблем.

– Вот здорово, – улыбнулась я еще шире. – А она далеко? Эта «Тазава».

– Относительно не очень, – завертел парень головой, пытаясь сориентироваться. – В общем, выходите из парка и следуете по той улице до конца, поворачиваете налево, а там идете до тех пор, пока не столкнетесь с высокой часовой башней. Обойдете ее справа, увидите неподалеку кинотеатр, а от него в трехстах метрах будет стоять пятиэтажный рёкан. «Тазава». Запомнили?

– Ну, более-менее, – неопределенно кивнула я.

– Дорога составит около сорока минут. Если идти быстро, не больше получаса, – добавил он. – Ну, с гугл-картой не потеряетесь, если что.

– Хорошо, – кивнула я. Как-то рассеянно, и девушка парня это заметила.

– У вас же есть Интернет? – уточнила она.

– Если честно, он внезапно закончился, – пожала я плечами. – Или еще что-то с ним произошло. Я искала рёканы, а он раз – и перестал отвечать на запросы.

– Печально, конечно. Ну, дорога не совсем сложная, – рассудил парень. – Налево, прямо, башня, обойти кинотеатр справа, и покажется рёкан.

– Тору! – воскликнула девушка и недовольно покачала головой. – Приезжей девушке сорок минут идти по неизвестному городу пешком! Посмотри на небо, какое пасмурное! А если дождь? Надо помочь.

Тору – видимо, так звали этого темноволосого юношу – почесал затылок и поднял голову к серым тучам.

– Нет-нет, не стоит, – неловко замахала я руками. – Все хорошо, правда. Я дойду, мне прогулка труда не составит.

– Ну, вообще, мы на машине приехали, – глянул Тору куда-то за парк, где стояла единственная белая машина. – Давайте мы подвезем вас? На самом деле, мы все равно в кино собирались, а там как раз кинотеатр.

– Вот-вот! – закивала его девушка. – Мы долго думали, идти или не идти, а вы и спор разрешили.

Девушка энергично поднялась со скамьи, поправила свое светло-розовое платье. Тору встал вслед за ней.

– Я бы не хотела вас отвлекать, вы же отдыхали...

– Пустяки, – улыбнулся Тору, который оказался на две головы выше меня. – Мы и так засиделись в парке.

Ребята довели меня до машины. Тору освобождал мне место на заднем сиденье, а его девушка стояла рядом со мной и интересовалась, откуда я, какие дальнейшие планы и общие впечатления о городе. Она производила впечатление очень любезной, милой девушки с чуть ли не ангельской внешностью. Ровное круглое личико, аккуратная короткая стрижка. Под каре. Большие, добрые глаза. Светло-розовое платье придавало ей образ легкости и воздушности. На ногах – белоснежные балетки. Никаких украшений, цепочек или колец. Грим на лицо нанесен так, что наличие косметики едва уловимо. Удивительная подача себя, подумала я.

Ее парень – Тору – я почему-то сразу решила, что он много работает или, по крайней мере, работает точно. Выглядел он моим ровесником, – как и его девушка – а может и младше. Одет был в белую рубашку с синим галстуком, черные брюки. На ногах красовались идеально натертые блестящие туфли. Интересно, это у него стиль такой? Обычно молодежь предпочитала более свободный стиль. Или на работу идти скоро. Никто не станет наряжаться столь представительно в десять утра без веской на то причины.

Так или иначе, эти двое производили впечатление людей, проживших вместе года четыре или три. Они общались и даже передвигались так, словно уже прошли через многие

стадии отношений. Ребята выглядели умиротворенными по отношению друг к другу. Это читалось в глазах. Словом, обрели себя в полном смысле.

– Можете садиться, – выпрямился Тору. – Простите за бардак в салоне, у нас там суший ад...

На заднем сиденье валялась одежда, тряпки, какие-то коробки и книги, а Тору сгреб все в одну кучу. Освободилось место. Ну и здорово. Мне большего и не нужно. Вообще, я на такую любезности с их стороны даже не рассчитывала. Еще бы я жаловалась на неприбранный салон!

– Нашли, о чем переживать! Ерунда какая, – смутившись, улыбнулась я.

Осторожно села в машину, рюкзак положила на колени. Тору и его девушка сели спереди, и вышло так, что мои ноги упирались в ее сиденье.

– Оу, постойте, – сразу же поняла девушка и отодвинула свое сиденье вперед. – Вот, так жать не будет. Удобней теперь?

– Да, спасибо большое. Еще раз повторюсь, вы слишком любезны.

– Мы просто любим помогать людям, – сказал Тору, глянув на меня через лобовое зеркальце.

Он завел машину, и мы тронулись с места. Неловкой тишины испытывать не пришлось: ребята умели завести и поддержать разговор.

– Ой, мы даже не представились друг другу! – опомнилась девушка. – Я Эми, а это Тору – мой молодой человек.

– Очень приятно, – кивнула я. – Меня зовут Коан.

– Коан! Какое замечательное имя, Коан-сан! – восхитилась Эми. – Приятно познакомиться! Надеюсь, вам здесь понравится! Правда, столько сложностей поначалу, ну вы понимаете... Все совершенно новое, другие люди, свои правила...

– Проблемы с общественным транспортом, – добавил Тору, внимательно следя за дорогой. – Год назад он хоть как-то существовал, а после Нового года автобусы отменили. У администрации определенно кризис. Кризис лени. Или еще чего. Неясно. Слухов много ходит, городишка-то небольшой. Не знаешь, чему точно верить.

– Тору, ну не пугай же ты гостью! – поцокала ему Эми. – А то еще испугается и билет обратнo купит.

Я рассмеялась: ребята захохотали вместе со мной.

– Ну ладно, пугать не стану, – произнес водитель. – Я к тому вел, что... Знаете, новичкам всегда помощь понадобится может, а приедем ее здесь никто не оказывает в первые дни переезда. Говорю же, люди здесь... особенные.

– Это да, – закивала Эми.

– Особенности? В каком смысле?

– Ну-у-у-у, – растянул Тору и мельком глянул на свою девушку, словно советовался, стоит ли говорить о таком незнакомке или нет. – Люди... будто, вот, как бы это объяснить...

– Пару тройку раз мы замечали их повышенное внимание, – пояснила Эми.

– К чему внимание?

– Ни к чему, а, скорее, кому, – подсказал Тору.

– С нами раз пять или шесть приключалось следующее: идем мы по улице или сидим в каком-нибудь кафе, а в один момент все начинают на нас смотреть. Так странно было! В нас стал развиваться комплекс неполноценности! – Эми рассмеялась, но как-то грустно.

– Эми преувеличивает, – спокойно поправил Тору. Включил поворотник и повернул налево. – Два раза это произошло. Не шесть.

– Когда мы вместе были, два! А со мной отдельно случалось еще, – настояла та и оглянулась через плечо на меня. – Люди без тени сомнения здесь своеобразны, Коан-сан. Но не думаю, что это очень серьезная проблема... Мы из Токио сюда приехали. Вы бывали в Токио?

– Однажды, – сказала я.

– Вот в Токио на нас не меньше пялились некоторые кадры. Ну, уверена, чудачков везде хватает... Просто, понимаете, сам факт: все вдруг уставились на нас. Каждый без исключения. Чистый фильм ужасов!

– Крайне... странно, – только и оставалось произнести мне.

Машина остановилась на парковке, принадлежащей кинотеатру – во всяком случае, так было написано при въезде на синей табличке. Тору заглушил мотор, мы вышли наружу, захлопав дверцами. Я перекинула свой рюкзак через плечо и еще раз поблагодарила ребят за помощь.

– Да не за что, говорим же, – улыбнулась Эми.

– Не стоит, – махнул Тору рукой так, словно их помощь ничего не стоила. – А вон и рёкан, – вытянул он руку в сторону выезда с парковки, где за зелеными деверьями виднелось неприметное здание. – Удачи вам в новом городе, Коан-сан.

Он переглянулся с Эми, и та без тени сомнения кивнула.

– В общем, если хотите, – ну, вдруг что случится, мало ли – моя машина будет припаркована здесь до десяти вечера – я работаю неподалеку, после кино в час пойду в офис. Номер телефона прикреплен к лобовому стеклу. Можете позвонить, я отвечу.

– Да-да, – закивала Эми с обеспокоенным видом. – Не стесняйтесь. Одной в чужом городе нелегко. Нам было проще, потому как нас двое. Одна бы я, наверное, с ума сошла.

– Вы очень, очень милы, Тору-сан, Эми-сан, – сложила я руки и поклонилась. – Спасибо вам. Вы хорошие люди.

Они поклонились в ответ и под ручку направились в сторону кинотеатра. Непринужденной, спокойной походкой. Указательным пальцем свободной руки Тору крутил ключи от машины, посматривая на пасмурное небо. Я рефлексивно перевела на густеющие тучи взгляд: они становились мрачнее и мрачнее. Вдохнув, двинулась к выходу из парковки.

Рёкан походил на самое старинное здание, которое мне когда-либо приходилось видеть. Будто осевшее, оно всем своим увядающим видом норовило сползти на землю, как стекающий густой кисель. Бело-желтое, выцветшее, с множественными трещинами и осыпавшейся штукатуркой на лицевой стороне, двухэтажное помещение ни капельки не привлекло. Даже окна зашторены! Каждое окно! Над входными дверями большими белыми буквами красовалось название – «Тазава». Я дернула за ручки двери, но было заперто. Крепко-накрепко. По инерции я дернула еще пару раз, результат прежний. Я посмотрела по сторонам. Никаких надписей или предупреждений. Может, где-то имеется записка с объяснениями? Почему закрыто? Неясно. Что-то явно экстренное случилось. Навряд ли Тору с Эмми стали бы лгать – какой им с этого прок? Может, они сами не знали? С другой стороны, довольно подозрительно, что рёкан «Тазава» не всплыла в поисковых результатах на моем телефоне. Точно, телефон! Я вынула его из кармана, разблокировала экран и секундой позже нахмурилась. Не ловила интернет-сеть. Совсем не ловила. С мобильной сетью порядок, хоть и торчало всего две черточки, а Интернет не собирался подавать даже знака на желание работать.

– Подводишь ты меня, дружок, – прошептала я телефону. Смирилась, сунула его обратно в карман, постояла у рёкана минут двадцать. Когда наскучило и я поняла, что ничего не изменится, прогулялась по району, сделала круг. Собственно, выходит, ребята зазря меня довели – так и так гуляю. Район пустовал, людей я на удивление не встретила. Вдоль пешеходной дороги проезжали одни машины. Редко проезжали. Здания в этом районе стояли не вплотную друг к другу, зато своей старинностью не уступали расположившемуся в центре города. Ничего особенного или причемательного я для себя не подчеркнула. Район как район.

Прогулка заняла два с половиной часа – я специально тянула время. Спешить некуда. Может, и рёкан откроют? Кто знает. Однако мои ожидания не оправдались. Вернувшись к ней, я лишь раздраженно фыркнула. По-прежнему закрыто. Хорошо, хорошо. Как скажете.

У меня в наличии имелся вагон времени. А вот нервы начинали сдавать. В таких ситуациях моим лучшим спасением служила медитация, и я решила заняться ей прямо у входа в рёкан. А что? Уходить я просто так не собиралась. Подожду, куда не денутся. Я расстелила голубой коврик, удачно вместившийся в мой рюкзак, села, скрестив ноги, и сосредоточилась на самых успокаивающих мыслях. Через полчаса я полностью отделилась от реального мира и погрузилась в медитацию.

Казалось, минула минута. Всего лишь шестьдесят секунд с тех пор, как я закрыла глаза. И вот они открылись. На улице уже ночь. Прохладная летняя ночь. Тучи куда-то исчезли, словно их и не было, в небе сверкали звезды. На западе едва заметно оставались следы от заката – красновато-оранжевый кусочек неба, чьи границы размывались беспросветной чернотой. Я медленно поднялась с коврика. В каждой клеточке тела чувствовалась легкость, голова начала думать свежо и здраво, избавившись от стрессовых мыслей. Я спустилась с невысоких ступенек рёкана и обернулась на ее передний вид – надо же, в окнах не горел свет! Я поднялась обратно и подергала за ручки – заперто. Издевательство!

Если бы не медитация, меня бы разорвало на части от негодования. К счастью, спокойствие мне сохранять удавалось. Я плотно сложила коврик, сунула его в рюкзак и перешла дорогу к парковке. Телефон показывал ровно без пятнадцати десять вечера. Под светом фонарей стояла единственная белая машина. На том же месте, где ее оставил Тору. Остановившись у лобового стекла, я набрала номер телефона с визитки, аккуратно вставленной в дворник. Раздались гудки. После третьего ответили.

– Да, слушаю.

– Тору-сан? Простите, что звоню. Это Коан. Девушка, которую вы сегодня подвезли.

– Оу, Коан-сан! Да-да, конечно. У вас все хорошо? Я как раз заканчиваю работу.

– На самом деле, все... ну, не так, как хотелось.

Помимо голоса Тору в динамике доносился шум. Наверняка он говорил и параллельно что-то делал. Вскоре шум прекратился, и парень уточнил:

– Вы на парковке сейчас?

– Да.

– Подождите меня. Я скоро спущусь.

Не прошло и пятнадцати минут, как Тору показался из-за угла кинотеатра. С черным чемоданчиком и с крутящимися ключами на пальце руки, он спокойно подошел к своей машине. Окинул меня встревоженным взглядом и дернул подбородком.

– Что-то случилось, – определил он.

– Вы правы. Иначе бы я тут не стояла.

– Я когда шел из офиса, не заметил света в окнах «Тазуки». Неужели закрыто?

– На замок, – невесело проговорила я.

– Ну и дела, – нахмурился Тору, глянул на меня, потом по сторонам, затем снова на меня.

И опешил: – Коан-сан, вы здесь целый день пробыли?

– Я изучила район, гуляла несколько часов. Другие рёканы не попались. Вернулась к этой – по-прежнему не работала. И я решила медитировать.

– Все это время? – изумился он.

Я кивнула, будто в девятичасовой медитации ничего сверхъестественного не было. Для меня и впрямь не было.

– Ох-ох, – почесал тот затылок и виновато произнес: – Это я виноват, Коан-сан. Сам того не зная, обманул вас... Простите, пожалуйста. Рёкан работала еще вчера... Я сам видел.

– Пустяки, – вежливо улыбнулась я. – Ничего страшного не случилось. Медитация меня всегда спасала. Я... хотела спросить, есть ли в городе еще какие рёканы. Интернет у меня отказал, людей в районе, чтобы спросить, я совсем не встретила. Какой-то он пустующий. Одни машины мимо проезжали, и то редко.

Тору задумался. Опустил голову к асфальту и замолк на добрую минуту. Иногда мычал, бормотал себе что-то под нос. Предложил те рёканы, в которые я уже позвонила с утра и мне отказали, а больше он не знал. Судя по его словам, больше и не осталось.

– Мизуки словно в воду глядела, – негромко проворчала я.

Тору позвонил Эми. Уточнил на всякий случай, знает ли она какие места для ночлега. Эми на автомате перечислила все нам известное и тут же спросила, зачем парень интересуется.

– Она все это время торчала на улице?! – ужаснулся ее голос в мобильном. Да так громко, что динамик зашипел.

Разговор продолжался минуты три. Тору то угукал, то предлагал свои идеи, но звучали они обрывочно. Я ничего толком не поняла. Спрятав телефон в карман брюк, он с улыбкой кивнул.

– Можешь оставаться у нас.

– У вас? – переспросила я.

– Мы с Эми снимаем квартиру в центре. В ней четыре комнаты. Недавно соседи съехали, а нам четырехкомнатка, сама понимаешь, одним не сдалась. Две комнаты пустуют. Стоят без дела совсем. Мы уже и съезжать собрались в квартиру поменьше, но сдают в городе мало.

– Понятно... То есть я могу переночевать у вас?

– Ты можешь как бы... заселяться, – поправил Тору. – Жить с нами. Квартплату делим на троих. Ну, первый месяц можешь жить бесплатно, а там, может, и работку какую найдешь.

– Правда? – не ожидала я такого предложения. – Я уже несколько раз говорила, но повторяю: вы очень любезны. Спасибо, Тору-сан! И Эми-сан надо поблагодарить! Не хотела бы я ночевать на вокзале...

– Не придется, – подмигнул Тору. Снял сигнализацию с машины и открыл мне дверь. – Поехали?

Несмотря на благодарность, в моих глазах пробежала тень сомнения. Тору это заметил. Дверцу попридержал.

– Если нужно подумать, я не тороплю.

Я не стала отнимать у парня много времени на свои раздумья. Да и потом – выглядело бы это неприлично. Мне ночевать негде, а мне еще, видите ли, подумать надо. Просто в моей голове засела одна мысль. Я изначально не хотела с кем-то жить. Для моих тренировок и медитаций мне следовало искать отдельную квартиру. И многими другими делами предстояло заниматься. А дела мои были весьма специфичны для обычного человека. Ну да ладно, подумала я. Вдруг что из этого и выйдет? Тем более, Тору работает целый день, Эми, скорее всего тоже – вот я и смогу оставаться одна. А дальше разберусь. Может, удастся снять однокомнатку.

– Поехали, – улыбнулась я.

Глава шестая

ИНТЕРВЬЮ #3

Статья из газеты «Наука не Магия», выпуск от двадцать первого апреля 1953 года.

ДИРЕКТОР АКАДЕМИИ ШИ-ЯН
УВОЛЬНЯЕТ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

В начале апреля этого года директор Академии Ши-Ян Брайан ДиГрегорио уволил одного из своих преподавателей. Как многие полагают, связано это со скандальной статьей журналиста газеты «Научный Мир Зазнаек» Тары Ямады, который в прошлом году добился того, чтобы попасть в Академию для интервью: сотни писем, направленные от его имени к директору заведения ДиГрегорио, были в итоге услышаны. Тара Ямада стал третьим человеком за

всю историю журналистики, которому удалось попасть в Академию – как правило, заведение известно своей таинственностью. Первым для интервьюирования у мистера Ямады стала преподавательница Сузуму Такахаши. Интервью прошло вполне успешно и было опубликовано в газету 6 февраля 1961 года. Директору Академии понравилось, как господин Ямада преподнес заведение своим читателям и дал зеленый свет на последующие интервью – правда, не сразу. Лишь спустя полтора года журналисту удалось повторно вернуться в магические стены. Теперь Академию представлял преподаватель истории Ши-Ян, профессор Киюши Танака. Господин Ямада интервью представил в виде рассказа, детально описывая происходящее. Поначалу все выглядело безобидным и спокойным, но затем, ближе к концу интервью, получив ответы на заданные вопросы и тщательно их проанализировав, Тара Ямада сменил тактику и перешел в нападение, опираясь на сказанное мистером Танака. Он выдвигал собственные предположения и спрашивал, так ли это или нет. Господин Ямада вел себя вежливо и в то же время крайне смело, совершенно ничего не боясь. Его вопросы казались абсурдными, но в то же время обоснованными. Журналист стал единственным, у кого хватило храбрости спросить о том, о чем многие догадывались.

В частности, речь шла о старых предметах в классе истории, которые принадлежали какому-то определенному человеку. Профессор Танака уводил разговор к способностям магии Ши-Ян извлекать энергию из любых вещей, и тогда мистера Ямаду искренне удивило, зачем столько внимания уделили предметам конкретной личности. Он предположил, что Академия занимается его поисками и что человек представляет опасность. Мистер Ямада вспомнил предыдущее интервью с Сузуму Такахаши, где она упомянула о ком-то, кто «находится в бегах» и является большой угрозой как для заведения, так и для человечества». Он сказал об этом преподавателю Танака, и тот, судя по описанию журналиста, сильно занервничал. Профессор так не подтвердил смерть персонажа, которому посвятили целый кабинет, а также Тара Ямада сослался на висящие рамы с фотографиями и текстами – по его уверениям, они касались личности неизвестного. В конце своей статьи господин Ямада обращается к своим читателям. Он спрашивает: «...Выходит, мир может быть в опасности, а его целостность зависит от могущества Академии Ши-Ян? ... На мой взгляд, раз опасность касается непосредственно нас, то мы имеем право знать». Также Тара Ямада обещает читателям выяснить всю правду.

Спустя два дня с момента публикации интервью, директор Академии Ши-Ян Брайан ДиГрегорио уволил Киюши Танака. Произошло это тихо – в лучших традициях заведения. Узнали мы об этом только вчера из уст Тары Ямады, когда попросили его прийти к нам на интервью.

– Господин Ямада, как вы узнали об увольнении профессора Танака? Вы позвонили ему в Академию по какому-то вопросу или это произошло совершенно случайно?

– Случайно. Во-первых, у меня к мистеру Танаке вопросов больше не было. Все, что я хотел у него спросить, я спросил во время интервью. Звонить бы я ему, конечно же, не стал. Да и зачем? Мы с ним не в таких отношениях, у меня и номера его нет. Просто ведь я журналист, моя задача никогда не сидеть на месте. Поэтому я беру интервью в других местах, езжу в разные заведения. Так уж сложилось, что вчера я попал в очередную магическую школу – у них был замечательный спектакль, хотел написать о нем в газете. Собственно, там я мистера Танаку и встретил. Поначалу я опешил, подумал, он от Академии Ши-Ян, может, его тоже, как и меня, отправили посмотреть спектакль. Но затем вспомнил: они никого никуда не высылают. Работают только в своих стенах, достаточно скрытно, никаких мероприятий публичных не проводят, учеников или учителей из других магических заведений не приглашают.

– *Вам удалось поговорить с профессором Танака?*

– Да, но совсем недолго. Ему не очень хотелось со мной беседовать. Я спросил, что он здесь делает, и получил прямой ответ: «Уволили после статьи». На словах «после статьи» он сделал акцент. Похоже, мистер Танака в глубине души винил в своем увольнении меня и мою статью.

– *А как вы считаете: его увольнение случилось по вашей вине?*

– Честно говоря, я своей вины не вижу вовсе. Понимаете ли, в чем тут дело. Винить нужно ту систему, в которую попал мистер Танака и частью которой он стал. Я уверен на все сто процентов, что Академия о многом нам с вами не рассказывает. И если бы это были ее личные дела, скажем так, внутренние и не имеющие отношения к нам, простым людям, я бы туда не нырял с головой. Но выяснилось, что у Академии кто-то там в бегах. Этот кто-то представляет для человечества опасность. Как тут не суетиться и не искать ответы? Поэтому думать, моя это вина или нет, мне неинтересно. Я считаю, мы имеем право знать правду. Если персонал Академии так не думает – пускай пеняют на себя.

– *Вы же понимаете, что вас туда больше никогда не пустят?*

– Разумеется. Но меня это не останавливает. Сейчас я веду огромную работу касательно истории Академии, ее начала становления, всех преподавателей, собираю всевозможные исторические справки и полезную информацию.

– *Что насчет той загадочной личности, чьи вещи находились в кабинете истории?*

– Только не кабинет, а подсобка. С железной дверью, и замки на ней стояли приличные. Кстати говоря, странно, что Киюоши Танака повел меня туда. Видимо, он даже в мыслях не думал о том, как хорошо я умею слушать и делать выводы. Ведь, по сути, говори он меньше и более абстрактно, я бы даже не догадался задать столь острые вопросы. Или догадался... Не знаю... Не хочу скрывать: изначально я шел на второе интервью с целью разгромить собеседника. Не раздуть скандал ради скандала. Мне нужны были причины. И я их получил. Разумеется, таких последствий не ожидал. Очевидно, Академии я надавил на самое больное. Но раз она «прокололась» одной своей реакцией, я собираюсь выяснить о том загадочном человеке все, что только можно и нельзя.

– *Вы допускаете мысль, будто профессор Киюоши Танака специально все это затеял, чтобы открылись некоторые карты?*

– Хм. Нет. Это скорее спекуляция. От его лица я говорить не могу. Да и не думаю, что он бы на такое пошел. При встрече на спектакле он выглядел крайне недовольным.

– *Насколько видится возможным полагать, у вас, к большому сожалению, нет ни одного факта, подтверждающего причастность загадочного человека к вероятной опасности для человечества.*

– Вы верно подметили – нет ни единого доказательства. Доказательства, которое я публиковал. Я много работаю над этим. Буквально сегодня утром нашел крайне важную зацепку. В своем следующем выпуске я обязательно приложу свои факты подтверждения. Я обещал своему читателю. Обещания нужно держать.

– *Интервью господина Танака было подано в виде рассказа, что позволило нам окунуться в скрытную атмосферу Академии Ши-Ян. Ближе к концу вашего рассказа вы пишете об учениках, стоящих у кабинета истории. Описываете их как обычных, нормальных детей, но также добавляете, что в их глазах отражалась не по годам развитая мудрость...*

– Да, совершенно верно. С виду выглядели как все детишки, но их взгляд отдавал чем-то уникальным. Мне хватило семи секунд, чтобы это заметить. Я обязательно получу информацию о том, как и что преподают этим детям. В Японию, как вам известно из моего первого интервью, каждое лето Академия направляет несколько преподавателей, готовых предоставить консультацию абитуриенту и необходимый список литературы. Надо бы летом наведаться к такому преподавателю и побеседовать с ним.

– *Вы думаете, вам согласятся дать интервью?*

– Я сделаю так, чтобы его дали. Нажму на нужные рычаги. Я журналист, я знаю, как это работает. Собственно, я почему про преподавателей в Японии заговорил... Мне интересно, чему учат этих детей. Наверняка есть какой-то особенный предмет, вроде, знаете, гипнотизирующего, вводящего в транс. Иначе их ровный, холодный и беспристрастный взгляд я ничем другим объяснить не могу.

– *Неужели в Академии Ши-Ян стали бы использовать гипноз на невинных детях? Разве это нелегально? Стоит напомнить нашему читателю, что магические заведения обязаны соблюдать общий кодекс. В нем содержится множество правил, и одно из них четко гласит: «Ни при каких обстоятельствах магическое учебное заведение не имеет права накладывать гипноз на своих обучающихся».*

– У данного кодекс есть и подпункты. Подпункт «Д», если мне не изменяет память, допускает наложение гипноза в случае чрезвычайных ситуаций. Например, если во время урока ребенок неправильно воспользовался заклинанием, повлекшим за собой прямую опасность для целого класса, преподаватель имеет право ввести детей в транс, тем самым избавив их от паники и прочих неприятностей, и спокойно вывести на улицу или в коридор. Но это, как вы понимаете, транс временный, однократный. Дети, которых я видел в Академии Ши-Ян, выглядели так, словно на них наложили постоянный гипноз. Или просто мозги запудрили – я и такую версию допускаю, но я не совсем уверен, где здесь пролегает грань разницы.

– *То есть вы считаете, Академия может нарушать кодекс?*

– Допускаю.

– *Более чем уверена, ваше заявление в этом интервью привлечет внимание Судного Совета, и он нагрянет в Академию с проверкой.*

– Пока мне сложно что-либо говорить на этот счет. Кстати, вот ваши читатели, может, и знают, что такое Судный Совет, а мои – а я уверен, они будут читать вашу газету – понятия о нем, скорее всего, не имеют. Так вот, мой любимый читатель, Судный Совет – это организация, занимающаяся проверкой всех магических заведений, именно он выдает им лицензии. Совет этот еще более дремуч и неясен, чем Академия Ши-Ян, но фактически он расплодил все эти волшебные школы. Совет обладает властью их и закрыть, и переместить в другое место, и

назначить в заведении новое лицо... Вообще, раз уж о Совете пошла речь – их род деятельности весьма широко направлен и является самым главным органов власти в магической среде. Совет не вмешивается в обычные людские дела, но вроде как может вмешаться по одной-единственной причине: если в обычных людских делах фигурирует магия. Такого на сегодняшний день не случалось, никуда Совет не лез, а то, что он проверяет магические заведения время от времени, – плановая проверка – это правда. Кодекс, которому подчиняются школы волшебства и который, по моим личным догадкам, нарушает Академия, разработал Судный Совет. Вы в своей реплике сказали, что мое «заявление» привлечет их внимание. Я сомневаюсь. Не привлечет. Во-первых, людские газеты они не читают, а во-вторых, даже если бы и читали, они бы и пальцем не пошевелили. Мало ли, что я там увидел в глазах детей? Мудрость? Ну, мол, скажут, умные дети, значит. Обучают их хорошо, вот и мудрость в глазах. Не пустота же. Я к тому, что Совету потребуется доказательства для официальной внеплановой проверки.

– У вас они есть?

– Для Совета нет, да я на него и не рассчитываю особенно. Могу сказать точно, что что-то странное, я бы даже сказал, мрачное, во взгляде детей заметит и мой читатель. Если он внимательный, конечно.

– Вы хотите сказать, у вас имеются фотографии?

– Да. Несмотря на устный запрет профессора Танака, я сделал несколько снимков. Теперь, когда профессор Танака уволен, эти снимки я могу публиковать – формально запрет был сделан тем, кто больше в Академии не работает. Более того, официального запрета на проведение фотосъемки я не получал.

– Это настоящая сенсация! Надеюсь, опубликованные фотографии вызовут общественный резонанс, и Академии придется с ним считаться. Большое спасибо за интервью, господин Ямада. Желаю вам успехов.

– Спасибо вам. И ждите мою новую статью.

Глава седьмая БЕЖЕВЫЕ ДОМА

Белоснежная машина Тору остановилась во внутреннем дворе, окруженном высокими бежевými зданиями. Этажей пятнадцать, не меньше. Посередине двора располагалась детская площадка со всевозможными игровыми сооружениями, самым большим была песочница. У каждого подъезда и по периметру детской площадки рядами шли фонарные столбы. Освещение теплое, неярко и нетусклое – самый раз для поздней ночи. Я вышла из машины вслед за Тору, он не спеша прошел к ближайшему подъезду. Приложил ключ к домофону, и дверь размагнитилась.

– Красивый двор, – запоздало проговорила я, когда мы уже поднимались на лифте.

– Скажи, красивый? – закивал Тору. – Район Эми выбирала.

– У нее хороший вкус.

Тору довольно улыбнулся в ответ.

Поднялись на удивление быстро. Видимо, лифт сделали по последним технологиям. Дверцы разъехались в стороны, на стене подъезда красовалась огромная красная цифра «тринадцать». Удачный этаж они выбрали. Тору позвонил в квартиру «180», и мы немного подождали. За дверью раздались приближающиеся шаги, сопровождающиеся звонким голосом.

Нам открыла Эми. Стояла она в фартуке, руки испачканы в муке, улыбка до ушей, на ногах – розовые пушистые тапочки.

– Привет! – радостно пропела она и обняла Тору. – Только я без рук, они в муке! – Добро пожаловать, Коан-сан!

– Здравствуйте, Эми-сан! Спасибо, что приютили.

Вслед за Тору, я проследовала внутрь. Повесила черную куртку на широкую вешалку в просторной прихожей, протянула свой рюкзак Эми и осмотрелась: слева, вдоль стены растянулся шкаф для обуви и верхней одежды, рядом стояло два пуфика. Из мебели больше ничего лишнего. Уверена, если залить прихожую водой и подморозить, вышел бы отменный каток.

Я вымыла руки в ванной и проследовала на кухню – собственно, в единственную дверь прихожей, где горел свет. Эми сразу же посадила меня за обеденный стол, придвинутый к стене. За ним, по другую сторону, с сигаретой в руке сидел Тору. Он задумчиво молчал, глядя в пол. Так, словно никого не замечал.

– Тору сильно устает на работе, – негромко сказала мне Эми, стоя у кухонной стены. – Он может на пару минут «потерять» нас, не обращай внимания.

– Угу, – кивнул Тору, по-прежнему глядя в пол и делая тягу.

– Ой, какие мы некультурные! – опомнилась Эми и захлопала ресницами. – Коан-сан, ничего, что он здесь курит?

– Нет-нет, все хорошо.

– Я сама уже привыкла к его сигаретам, я имею в виду дым. Я-то не курю, – замотала головой она. – Не понимаю эту моду. Правда, Тору так выматывается в офисе... Как тут не закуришь!

– А в какой сфере Тору-сан работает? – поинтересовалась я.

– Проектирование самолетов. Эта работа от их института. Тору заслужил ее после победы в региональной олимпиаде. Многие полетели еще на третьем этапе. Но не мой Тору. Он занял первые места во всех этапах, а призом было получение высокооплачиваемой работы по направлению.

– Ах да, логично... Институт ведь.

– Да, а как иначе, – повернулась Эми к кухонной стене и принялась что-то макать в золотистую муку. – Образование обязательное, я вот тоже учусь. Мы из одного института. Факультеты разные. Я на филологическом. В проектировании ничего не соображаю. Работаю переводчицей в свободное время. Знаю английский и русский.

– Ничего себе! – восхитилась я. – Мой второй язык – английский. Я с детства его учила, знаю как родной. Но русский – ведь это сложно, разве нет?

– Да, – пожала Эми плечами. – С ним не все так хорошо, как с английским. Разговорной практики у меня мало, но читать и переводить я могу без проблем. Так и живем. Конечно, без Тору и не знаю, как бы я жила... В офисе он самый молодой работник – двадцать один год, а уже может позволить себе снять четырехкомнатную квартиру. До его победы у нас, в частности, у него, было много друзей. После получения работы многие сразу отсыпались. Зависть. Вот и дружба, называется...

– Ты уж наговоришь, Эми, – подключился к разговору Тору, потушив сигарету и вернувшись из своеобразного астрала. – Если бы я мог оплачивать четырехкомнатку, мы бы не давали объявление о поиске двух сожителей.

– Я преувеличиваю, – рассмеялась та и любяще оглянулась на своего молодого человека. – А тебе разве не нужно переодеться?

Тору опустил голову на свою белую рубашку и темные брюки и засуетился.

– Точно. Я быстро.

Он вышел из кухни, подобрав в прихожей свой тонкий чемодан, и скрылся за дверным проемом. Эми, тем временем, разогрела на плите сковороду, налила туда оливкового масла и

принялась жарить угря, обваленного в муке. Туда же добавила чуть-то чеснока, соевого соуса и сок лимона.

– Пахнет вкусно, – вдохнула я. Желудок заурчал.

– Надеюсь, и на вкус будет не хуже! – снова рассмеялась Эми.

Она продолжала излучать прохладу морского бриза, непередаваемую простоту, кривящуюся в ее внешности. Начиная от розовых пушистых тапочек и заканчивая формой ушей, Эми служила чуть ли не прообразом легкости и доброты. Разумеется, я ее знала меньше часа, но первое впечатление меня пока ни разу не подвело.

– Эми-сан, Тору-сан упомянул, вы дали объявление на поиск двух соседей... Помимо меня, уже кто-то нашелся?

– Нет, – покачала я она головой и перевернула кусочки угря на недожаренную сторону. – Пока никак... А почему вы спросили, Коан-сан?

В кухню вернулся Тору в свободной домашней одежде. Так он выглядел даже моложе, лет на восемнадцать, но вслух я это не произнесла – комплименты, граничащие с оскорблениями, я предпочитала оставлять в голове. Тору рухнул на свое место, зевнул, хоть и старался держаться бодро.

– Есть у меня на примете одна знакомая, которой, возможно, понадобится жилье, – сказала я. – Она делила со мной купе по дороге в город. Если она еще не нашла место, конечно.

– Хоть бы нашла, – невесело хмыкнул Тору. – Иначе она целый день, должно быть, ищет и ищет.

– Это девушка, да? – поинтересовалась Эми.

– Да, наша ровесница. Она вроде бы хорошая. Взбалмошная слегка, но добрая.

– Вам бы портфолио составлять при приеме на работу, – засмеялся Тору, и Эми в смущении поддержала его звонким смехом.

– Вы позвоните ей сейчас, Коан-сан, – произнесла Эми. – И скажите, что она может приехать на ночь. Если девушка и правда хорошая, мы ее оставим насовсем. У вас ведь есть ее номер?

– Да, – подтвердила я и полезла в карман своих джинсов.

Достала сверток маленькой бумажки, развернула его и на телефоне набрала нужную комбинацию. Приложила телефон у уху и ждала. Эми накладывала рис и жареный угорь в тарелки, а Тору непрерывно смотрел на то, как я звоню.

Долгие гудки в какой-то момент стали короткими.

– Не взяла? – спросил Тору.

– Сбросила, – пожала я плечами.

Эми обернулась к нам с широкой улыбкой, мастерски держа три полные тарелки.

– Значит, после ужина позвоните, Коан-сан! Все готово!

Она расставила тарелки по столу, в центр которого в большую белую миску насыпала жареные овощи, и приложила соевый соус. Мы принялись за без преувеличения вкусную еду. Эми с Тору делились своими историями из жизни, а я старалась поддержать разговор. Оказывается, ребята оба родом из богатых семей и вроде бы как по замыслу родителей должны были продолжить семейное дело: отец Эми руководил целым заводом, а у Тору родители заправляли сетью супермаркетов. Ни Эми, ни Тору не горели желанием идти по стопам родителей. Так сложилось, что у них имелись свои интересы, и тогда, будучи в отношениях более трех лет, они собрали вещи переехали в этот город. Хотели начать самостоятельную жизнь. Токио их не привлекал своим постоянным движением и многолюдностью. Это место – то, что нужно.

Я сидела за столом, слушая их историю, и задумалась о том, как странно все складывалось. Попутчица в поезде по имени Мизуки, предоставившие жилье ребята Эми и Тору, и, собственно, я сама – мы все приехали сюда с мыслью о свободе, со жгучим желанием расправить крылья и почувствовать себя лучше, чем когда-либо. И выбран был именно этот город.

Что же в нем столь притягательного, чего я за целый день не смогла распознать? Станный выбор, странный город, странные импульсы...

– А вы, Коан-сан? – полюбопытствовал Тору. – Мы почему-то до сих пор не спросили, зачем вы приехали в город.

– Лично я поджидала подходящего момента! – улыбнулась Эми и подперла руками подбородок, переводя на меня взгляд. – Вы путешествуете? Рюкзак у вас как у путешественницы!

– Я... Ну, вроде как я пожить здесь хочу какое-то время.

В общем, я поведала им ту же историю, что и Мизуки в купе, только опустила разговор о сестренке, о том, как оставила ее без предупреждений и теперь жалею. Мой рассказ ребятам, наверное, со стороны показался чопорным и даже нераскрытым. Словно я вытащила из коробки клубок ниток, но так и не решилась размотать его. Эми и Тору видом не показали, но точно почувствовали недостаток глубины моей истории. Впрочем, они за подробностями не лезли – сразу видна степень воспитанности.

– Свобода – это важно, – закивала Эми. – Точно вам говорю, Коан-сан. Свобода не в деньгах и возможностях, а в умении найти себя. Это вечный поиск. Человек всегда меняется. По крайней мере, должен.

– Если этого не происходит, начинается деградация, – сказал Тору, дожевывая угря. – Мы с Эми считаем, что свобода – еле уловимый процесс. Только ты ее находишь, она ускользает.

– Интересные размышления, – подметила я. – То есть, по-вашему, найденная свобода превращается в ограничения?

– Точно, – произнесла Эми. – Вот и я Тору словили эту свободу небольшим промежутком – это был момент решения покинуть Токио. Потом, когда мы уже обосновались тут, поступили в институт и нашли работы, наша свобода закончилась. Теперь наша жизнь полна ограничений.

– Но разве эти ограничения не порождены актом свободы? – спросила я. – Последствия желаемого и сделали из вас свободных людей.

Ребята задумчиво переглянулись.

– Конечно, я могу ошибаться, – признала я, – однако свобода интерпретируется по-разному. В моем понимании, лежать в поле и таращиться в небо – это не свобода, а безответственность. Я всегда отличаю безответственность и свободу. Впрочем, как и независимость. Нельзя быть совершенно независимым человеком, но можно стать полностью свободным. В мыслях, выборе, действиях, мечтах... Но независимым? Нет. Хотя смотря от чего независимым. От жизни не получится. От кошки, пробегающей по улице, мы, ясное дело, независимы. В каком-то смысле свобода и становится преградой независимости.

– Это как так? – подался вперед Тору, и Эми по инерции сделала то же самое.

– Просто я интерпретирую свободу по-своему. Для меня она значит рамки, которые нас устраивают. Как, скажем, вы сейчас: хотели свободу, приехали в этот город, нашли работу и дом – и теперь думаете, что свобода стала ограничением. А я же считаю, что это... как бы вам сказать... лукавство. Если это та свобода, которую мы искренне хотим и в итоге получаем, мы никогда не скажем, что свобода закончилась и начались ограничения. Такая позиция лишь покажет, что мы получили не совсем то, чего хотели. Значит, мы либо проиграли, либо свобода, в которую мы вложили определенные ожидания, была априори неосуществима в рамках жизненных правил. Нужно научиться видеть эту разницу.

Ребята вновь задумчиво переглянулись, и Эми медленно промолвила:

– Свобода – это рамки, которые нас устраивают... Если рамки не нравятся, это уже ограничения... Хм...

– Выходит, мы лукавим, сами того не зная? – глянул на нее Тору.

Эми растерянно пожала плечами. Похоже, я действительно сбila их с толку. Нужно срочно направить ребят на верный путь.

– Скорее всего, вы путаете независимость со свободой. Вот вас устраивает ваша жизнь сейчас?

Оба безоговорочно кивнули.

– Ну, есть некоторые проблемки, но они малозначимы, – пробормотала Эми.

– Устраивает, – убеждающим тоном сказала я, кивнув головой. – Если так, вы свободны.

– А что тогда означает «свобода является преградой независимости»? – недоумевал Тору.

– Она же сказала, свобода – это те же рамки, но нам они нравятся! – повернула к нему голову Эми. – Если свобода – это рамки, то независимость пресекается. Какая же независимость может быть там, где существуют рамки? Очень уж узконаправленная независимость тогда была бы... В чем-то определенность, а не глобальном.

Кажется, Эми поняла мою мысль. Она перевела на меня взгляд и улыбнулась. Я улыбнулась в ответ.

– Всего лишь моя философия, – скромно пожала я плечами.

– Нет-нет, в вашей философии заложен огромный смысл, – размышлял Тору. – Никогда в жизни не относился к понятию свободы как к устраивающим меня рамкам...

– Коан-сан подкинула нам долгую пищу для размышлений на ночь, – рассмеялась Эми. – У вас интересные взгляды на жизнь. Пожалуй, самые интересные из всех, что мне доводилось слышать.

– Поддерживаю, – улыбнулся Тору. – Впечатляет.

Когда ужин подошел к концу, Эми показала, где моя комната. В просторной прихожей имелся широкий проход – прямо за шкафом, – и за этим проходом тянулся недлинный коридор с четырьмя дверьми – по две с каждой стороны. Моя комната была последней справа. Эми открыла туда дверь, включила свет и дала мне осмотреться. Комнатка уютная, не сказать, что большая, но и не очень маленькая. Средних размеров. В левом дальнем углу заправленная кровать, справа телевизор и шкафчик для одежды. Под зашторенным окном пустой стол с двумя стульями. В ближнем левом углу – желтое мягкое кресло. На полу – белый ковер.

– Твой рюкзак я положила в шкаф, – сказала Эми. – А вот твой дубликат ключа от квартиры.

Девушка протянула мне два ключа, сцепленных на металлическом кольце.

– Один – для входа в квартиру, другой для твоей комнаты, – пояснила она. – Лишний магнитик для домофона где-то валяется после бывших соседей, надо будет поискать. Не могу найти пока. Но ничего, пороемся. Ах, да! Как и договаривались, платить можете через месяц. Первое время осваивайтесь. А сейчас отдыхайте. День у вас выдался насыщенным.

– Это уж точно, – многозначительно сказала я. – Спасибо вам большое, Эми-сан, за вашу с Тору-саном доброту и гостеприимство. Обещаю, что начну выплату раньше, чем через месяц. Месяц – это много. Ох, я же совсем забыла позвонить Мизуки!

– Точно! – опомнилась та вместе со мной. – Позвоните ей еще раз, да. Может, на этот раз она ответит. До завтра.

Эми прикрыла дверь и удалилась. Я положила звякающие ключи на пустой стол и села на кровать. Снова набрала Мизуки и ждала ответа.

– Кто это звонит так поздно?! – поднял трубку ее возмущенный голос. – Кто бы это ни был, это неприлично, черт вас возьми! Половина двенадцатого, в конце концов! Совесть есть, нет?

– Мизуки, – растерялась я и покраснела. – Прости за звонок. Я забыла о времени... Это Коан.

– Коан? – вдумчиво переспросила Мизуки, и ее тон тут же обратился радостным. – Оу, Коан! Коан-сан, мать честная! Ты-таки позвонила мне! Рада тебя слышать! Ты это, не обращай

внимания, что накричала вначале. Не думала даже, что ты позвонишь. Надеюсь, конечно... Выходит, не зря! Ну, как дела? Не нашла жилья небось? А я говорила!

– Я тоже рада тебя слышать, – сказала я. – Ты была права, Мизуки: ни один рёкан меня не принял. Многие отказали из-за обязательной брони, а какие-то закрыты были, но, к счастью...

– Вот-вот! – недослушала она. Впрочем, неудивительно. – И ждала ночи, чтобы мне об этом сказать? Ну ты даешь! Чего раньше-то не позвонила? Эх, будь у меня твой номер... Короче, я еще неделю назад по Интернету связалась с одной тетечкой, сдающей в этом городе однокомнатку, и вот, я заселилась. Тут срач, конечно! Но я почти закончила с уборкой, завтра с остальным разбираться начну. Дуй ко мне давай. Я тебе адрес продиктую. На такси есть деньги? Если нет, я оплачу...

– Мизуки! Я нашла себе место! – объяснила я. – Но все равно спасибо! Тут ребята снимают квартиру, они замечательные, приютили меня. Они искали двух соседей, у них четырехкомнатная. Подселилась я, остался еще один человек. Я сразу про тебя подумала. И позвонила, чтобы спросить, нужно ли тебе...

– Так ты нашла? – удивилась Мизуки, и ее голос прозвучал недоверчиво. – Вот как... А со мной, значит, не захотела.

– Я вообще не собиралась с кем-то жить, мне одной по душе. Но я до вечера слонялась по улицам, а эти ребята удачно подвернулись. У меня особого выбора и не было. Ребята здоровские. Может, ты, все-таки, переедешь к нам? Веселее будет. У них и чисто, и просторно.

– Слишком хорошо для правды, – фыркнула Мизуки. – А по деньгам как?

– Пока не знаю...

– В смысле? Ты на одну ночь там, что ли?

– На месяц уж точно. Первое время бесплатно, пока работу не найду.

– Бесплатно? – изумилась девушка. – Не, ну это чересчур идеально. Знаешь, Коан-сан, такое только в сказках услышишь! Эти ребята, они там тебя не разведут? Люди в городе крайне причудливые!

– Они совершенно адекватны, – заверила я. – Поверь. Ровесники, это пара. Тоже считают здешних людей причудливыми.

Какое-то время Мизуки молчала в трубку. То ли жевала что-то, то ли просто думала.

– Не знаю, Коан. Вообще, мне нет нужды куда-то срываться – у меня же есть крыша над головой. Ты тоже у каких-то незнакомцев устроилась...

Мизуки, очевидно, обиделась. Она выдержала паузу в минуту.

– Мне приятно, что ты позвонила, – с трудом призналась она, и голос ее прозвучал тише. – Чего греха таить... Я переживала за тебя, соседка по купе. Просто когда мы поладили в купе и выяснилось, что мы обе ищем этот... как его там, глоток свободы, то мне показалось, выкручиваться в новом городе будем вместе... Вдвоем проще. Ладно, черт с ним. Все равно приятно, что ты не забыла обо мне.

– Если, все-таки, у тебя возникнут проблемы с жильем или еще чего, набери меня. Пока у ребят место свободно. Я была бы рада.

Мизуки помолчала секунд десять.

– Хорошо. Посмотрим.

Раздались короткие гудки. Я встала с мягкой кровати, открыла шкаф, вытащила оттуда свой рюкзак. Села обратно и принялась разгребать содержимое. Достала зарядку, подключила к ней телефон. Одежду, что взяла из дома, аккуратно переложила на полки шкафа. Там же сложила зубную пасту со щеткой и прочие принадлежности. Допотопный красный телефон, напоминающий маленький кирпич, спрятала под подушку. Предварительно убедилась, что новых звонков не поступало. Расстелила кровать, выключила свет и легла под теплое, толстое одеяло. В комнате было весьма холодно, несмотря на то что за окном лето. Неужели в этом городе ночи настолько холодные? Или дело в самом здании. Если его изготовили из бетонных блоков без

всяких примесей, стены будут беречь прохладу. Бетонные блоки подолгу держат внутреннюю температуру, это я точно знала. Откуда, правда, вспомнить не могла. Наверное, вычитала где-то.

Как уснула, я даже не заметила. В один момент глаза закрылись сами по себе. Устали бездумно смотреть в потолок. Я видела мутные, несуразные сны, которые тут же забывала. Станные сны посещали меня один за другим, сменялись лишь картинка и персонажи. Волки, двухголовые люди, огромные чаши с расплавленным золотом, вливающимся кому-то в горло, ссыпающиеся на Землю звезды, обращающиеся метеоритами и бомбящие все вокруг... Будто бы я наблюдала за всем этим необъяснимым хаосом из окна квартиры Эми и Тору. Или нет... Все выглядело слишком мутно и расплывчато. Я так и не поняла, это был один сон или несколько... В голове остались только яркие образы, содержание стерлось по своим незыблемым законам.

Внезапно растущая в голове вибрация пробудила дремлющий мозг, и меня словно электрическим током ударили. Я резко поднялась на кровати, открыла перепуганные глаза и осмотрелась. С трудом разглядела комнату в беспросветной тьме, пока зрение адаптировалось. Вибрация, уже не так громко, но по-прежнему продолжала откуда-то исходить. Я обернулась через плечо на измятую подушку. Под ней, судя по всему, вибрировал мой допотопный телефон.

Кто-то звонил. Я напряглась. Резким движением вытащила из-под подушки телефон, посмотрела на желтый экран. Номер неопределившийся. Написало было «НЕИЗВЕСТНЫЙ». На лбу выступили капли холодного пота, я зарылась ногами в одеяло и прижалась к стене. Как тогда, когда я ехала в поезде, первая посетившая меня мысль: звонил человек знающий. Скорее всего, неприятель. А если выследили? И уже ждут у подъезда? Значит, Эми и Тору в опасности! Что я им скажу? Как все объясню?

Сглотнув, я нажала на кнопку с зеленой трубкой и прижала динамик к уху. Сердце норовило разорваться на части. Первые секунд тридцать молчали, словно нарочито ожидая услышать мой голос, но я не произносила ни слова. Ждала, пока с той стороны скажут сами.

– Алло? – с помехами раздался мужской голос.

Я сбилась с толку. Голос-то знакомый. Хриплый, осевший.

– Алло! Коан, ты слышишь? Связь не подводит?

– Сэр, это вы?

– Да-да, а кто ж еще?

– Не сразу узнала вас, Сэр, – с облегчением выдохнула я и сползла по стене в кровать. – Вы с какого-то неизвестного номера звоните! Так и написано было: «Неизвестный»!

– Пустяки, это все неважно, девчуля.

Сэр всегда меня звал «девчулей». Иногда «красотулей» или «красоточкой». Манера у него такая.

– Ты мне лучше расскажи, как у тебя дела! – попросил он, дважды кашлянув.

Не отрывая телефон от уха, я потянулась за ручными часами, лежащими на столе под зашторенным окном, и включила на них подсветку. Без двадцати три ночи. Сэра никогда время не останавливало. Он мог позвонить в любой момент и спросить, как я справляюсь.

– Я на месте, – сообщила я. – Утром приехала, ночлег нашла. Дальше буду разбираться.

– Хорошо, это хорошо, – пробормотал он. – Как тебе город?

– Ожидала лучшего от гостиничной инфраструктуры. На улицах преимущественно пусто. Зато люди добрые. Двое уж точно.

– Двое?

– Кто дал мне ночлег.

– А! – воскликнул Сэр. – Понятно, понятно. Ну, ты молодец, что добралась и обустроилась. За первый же день! Даешь! Дальше помнишь, что делать? Это очень важно, девчуля! Не забывай. Не забыла?

– Нет, – помотала я головой. – Я все прекрасно помню.

– *Мне нужно, чтобы ты это вслух произнесла. Хочу убедиться.*

Я вздохнула.

– Отправиться к крупной женщине, работающей в центральной библиотеке, и сказать, что я от Вас.

– *Умница, именно так и надо сделать, – удовлетворенно сказал Сэр. – Дальше крупная женщина сориентируется. А ты внимательно слушай ее и делай все, как она скажет. Слышишь, Коан?*

– Да, да, – закивала я. – Все сделаю как положено, Сэр.

– *Очень важно, чтобы ты внимательно ее слушала и все поняла! Иначе может случиться непоправимое!*

– Я поняла, Сэр, – произнесла я. – Не волнуйтесь.

– *Ну, уж постараюсь, конечно. Я позвоню тебе на неделе. На момент звонка все должно быть готово.*

– Так точно, Сэр.

– *До связи, девчуля! И запомни: смотреть нужно на простые вещи.*

Связь оборвалась.

Наутро я проснулась с чувством бодрости и необъяснимого спокойствия. Словно все шло так, как было необходимо. Лучи солнца пробивались через толстую штору окна, вокруг царила полная тишина. Одни лишь птицы что-то напевали на улице. Ставив с себя одеяло, я поднялась с кровати. На часах – восемь утра. Красный телефон неизменно лежал под подушкой, а обычный я сняла с зарядки. Из шкафа достала белый хлопковый халат, надела его, прихватила полотенце, зубную щетку и пасту. Вышла из комнаты в коридор. Проследовала в просторную прихожую, заглянула на кухню – никого. На обеденном столе лежала записка. Я ее прочла.

«Коан-сан, мы с Тору на учебе, а после по своим работам разъедемся. Оба будем поздно. Наверное, я вернусь раньше. Пожалуйста, не ограничивайте себя в еде: берите из холодильника все, что хотите. Хорошего вам дня. Будьте осторожны,

Эми»

В ванной я приняла контрастный душ, привела себя в порядок. В своей комнате переоделась, высушила феном волосы, зачесала их и заколкой зацепила на макушке. Вернулась на кухню, открыла холодильник. Продуктов тьма. Сок, молоко, мясо с рыбой, три десятка яиц, если не больше. В нижнем отделе фрукты. Вчерашние овощи, оставшийся жареный угорь и рис стояли в трех разных кастрюлях на самой верхней полке, и я решила остановиться на них. Насыпала совсем немного, разогрела в микроволновке. Поставила крепкий кофе. Позавтракав, вымыла после себя посуду и воссоздала чистоту, наведенную Эми.

Их с Тору квартира выглядела безупречно: ни пылинки, ни соринки, все чисто и отодрано до блеска. Когда в доме порядок, невольно начинаешь прислушиваться к тишине. Не знаю, как тишина связана чистотой, но именно ее я словила, осматривая блестящую кухню. За окном все пели птицы да играли лучи солнца. Неспешно покачивались пышные зеленые деревья. Они напоминали маленькие, едва шевелящиеся кустики с высоты тринадцатого этажа. Похоже, на улице тепло. Пора было выдвигаться по делу.

Во внутреннем дворе в основном разгуливали пожилые женщины, а на игровой площадке резвились дети, пока их мамы сидели на скамейках и о чем-то оживленно болтали. Над головой они держали большие разноцветные зонты, чтобы солнце не пекло, на глазах – солнцезащитные очки. Эдакие современные мамочки.

Я вышла из двора и покрутила головой. Неподалеку располагалась главная дорога, такая длинная, что невидна, откуда она началась и где закончилась – просто пролегала рядом. От комплекса высокоэтажных зданий, где проживали Тору и Эми, через триста метров находился

другой комплекс, – дома в нем казались меньше и старше, будто строили их в семидесятых годах. Таких комплексов я насчитала шесть – они в шахматном порядке выстраивались неподалеку от идущих следом магазинчиков, киосков и прочих сооружений. Похоже, комплекс Тору и Эми являлся элитным – самым ухоженным, большим и современным.

Через сорок с лишним минут я оказалась в центре города. Минула множество старинных зданий, изучила названия всех арок и табличек – библиотека на моем пути еще не встрети-лась. Солнце беспощадно слепило глаза, хотя для девяти утра столь адское пекло – дело очень непривычное. Я пожалела, что не взяла очки с кепкой, но когда завернула за угол какой-то центральной улицы и наткнулась на парк отдыха, – тот, где вчера я встретила ребят, – рину-лась туда быстрым шагом. Села на скамью, которую прикрывала шапка высокого дерева, и передохнула в тени. Мелкие прохладные капли струящего фонтана при слабом порыве ветра слегка касались моих ног. На пару минут я закрыла глаза. Прекрасное чувство. Несомненно, освежающее. Словно морской бриз приливал к песчаному берегу.

Зачем-то в голове всплыл образ Сэра. Лицо недовольное, глаза сердитые, густые седые брови сведены к переносице. Он стоял на песчаном берегу в дорогом сером костюме, волны темно-синего моря промочили ему брюки до колен, и штанины прилипли к его ногам. Он буравил меня своими строгими янтарными глазами. Из кармана костюма он медленно вытянул мой красный телефон, напоминающий кирпичик, и приложил к уху.

На самом деле, я понятия не имела, зачем водрузила в своей голове образ Сэра. Ведь это всего лишь образ, который я сама и создала. В реальной жизни он мог выглядеть иначе. Моложе, красивее, добрее. Тем не менее, мозг сам дорисовал этого человека, опираясь, прежде всего, на голос. Больше мы никак не контактировали. Я ни разу не видела Сэра вживую. Нашим единственным источником связи являлся телефон.

Но я знала точно: даже в голове Сэр не мог появиться просто так, по инерции. Значит, он меня поторапливал. Он умел о себе напомнить. В сознании или в разуме, ему это удавалось без труда. В чем-то он был черств и груб, в чем-то добр и снисходителен. Но я ровным счетом ничего о нем не знала. И говорить про него – не говорила никому.

Я открыла глаза. Думала, увижу льющийся напротив фонтан, но ошиблась. Стояла я напротив двухэтажного каменного здания. Над входными дверями висела металлическая таб-личка с высохшей краской: «Библиотека». Я оглянулась по сторонам, так и не сообразив, как сюда попала. Прodelки Сэра, никак иначе. Думать о том, каким образом он умудрился пере-местить меня прямо в нужное место, я не хотела. Во-первых, не знала ответа, а во-вторых, это было не столь важно.

Двери библиотеки оказались открыты.

Я зашла внутрь.

Глава восьмая

ИНТЕРЬЮ #4

Статья из газеты «Научный мир зазнаек» от третьего июня 1953 года.

СЕНСАЦИЯ!

АКАДЕМИЯ ШИ-ЯН НЕ АКАДЕМИЯ!

Приветствую вас, зазнайки научного мира!

К концу ушедшей недели был установлен новый рейтинг окупаемости нашей газеты. На протяжении года спрос постепенно возрастал, но после апрельского выпуска рейтинг бук-вально взорвался и подскочил с отметки 4.3 до 8.7! Невероятный результат!

Не секрет, что именно повысило рост популярности газеты «Научный мир зазнаек» – в ее рядах появился человек, готовый открыть завесу таинственной Академии Ши-Ян, в которой так называемых «сюжетных дыр» оказалось больше, чем мы думали.

Секреты, ложь, тайны – первые слова, приходящие на ум, когда слышишь об этом месте. Непозволительное молчание Академии и ее нарочное игнорирование общественного резонанса как со стороны совершенно всех магических заведений, так и простых японских людей, растет огромным мыльным пузырем, и когда этот пузырь лопнет, может стать слишком поздно.

В этой статье путем логических заключений и прямых доказательств я обосную опасность, надвигающуюся на человечество. И причиной, побудившей эту опасность проснуться, стала Академия Ши-Ян и ее пренебрежительное отношение к простым людям.

Второго мая текущего года я собрал подписи директоров и преподавателей двадцати восьми магических заведений, которые требовали, чтобы Академию проверили на предмет нарушения Кодекса. В частности, Правила 31 Пункта 2: «о не дозволении использовать гипноз или транс на обучающихся». Речь шла о детях, вероятно подвергающихся гипнозу продолжительное время. Учителя и директора поставили свои подписи после того, как я показал им фотографии с детьми – фото были сделаны к концу интервьюирования профессора Киюши Танака, на тот момент работавшего в стенах Академии. И учителя, и директора двадцати восьми магических школ после просмотра фотографий как один заявили: на детей наложили длительный гипноз.

Вот что по этому поводу говорит директор Магической Школы Искусств Рио Тахара:

– Это возмутительно! Как смеет эта академия издеваться над детьми! Ввели бедняг в транс непосредственно перед занятиями! И кто знает, как долго они находятся под гипнозом? Нет, это гипноз, однозначно. Если вы учите магию, вас в первый же месяц научат различать ясно мыслящего человека от загипнотизированного по одному только виду. Поэтому сомнений тут и быть не может. Судя по подписям, все единогласны в этом вопросе. Я от лица всех преподавателей и директоров призываю Академию Ши-Ян понести наказание за данное нарушение. Судный Совет обязан разобраться в этом беспределе!

Профессор Института Профессиональных Магических Навыков в Сфере Гипноза Тамака Йоширо:

– Всю свою жизнь я посвятила изучению гипноза. Если говорить о нем как об оружии магическом, а не психологическом, даю стопроцентную гарантию, что в данном случае дети находились под гипнозом более года. Это понятно из пустого взгляда, темных зрачков, слабо-выраженных синяков под глазами, слегка посиневших губ. Видите, как дети держат головы, пока смотрят в объектив господина Ямада, опущенный на уровень руки? Головы расположены так, чтобы угол зрения составил ровно девяносто градусов – то есть они смотрели в объектив прямо, откровенно. Когда ребенок под длительным гипнозом, в один момент его зрачки перестают перемещаться, а двигается только голова. Собственно, это и произошло с детьми в Академии Ши-Ян. Более того, если мы посмотрим на слегка приподнятые брови каждого стоящего на фотографиях ребенка и подгубную фазу R-32, можно определить конкретный вид гипноза...

И вид этот не один, а целых два. Первый вид – гипноз Повиновения и Молчания, как утверждает госпожа Йоширо, выдающийся профессор в данной области. А второй – Отхождения и Принятия. Из объяснений госпожи Йоширо, если вкратце, гипноз Повиновения и Молчания является одним из тяжелейших видов гипноза, плохо переносимым людьми с нестабиль-

ной или детской психикой. Данный вид гипноза стирает человеку конкретный промежуток памяти. После стирания памяти человек приходит в себя, и если стертое событие оставило в его разуме сильный отпечаток (а как мы знаем, дети – создания впечатлительные), как следствие происходит психическое расстройство, кома, галлюцинации, непрекращающаяся истерия или растущий стресс. Гипноз Отхождения и Принятие сглаживает события, повлекшие за собой последствия. Гипноз действует как успокоительное. Для человека перестает существовать будущее, прошлое или настоящее. Он просто живет и выполняет то, что ему сказано. Таким образом, он не в состоянии понять, почему определенный отрывок его жизни не всплывает в памяти.

– Тот, кто гипноз накладывал, точно знал о последствиях, – утверждает преподаватель Института Исследования Природы Магических Порталов Трэиси Пауэрс, так же наряду с другими поставившей свою подпись. – Уж не знаю, какое чудовище столь бессовестно посмело издеваться над одиннадцатилетними детишками, но чудовище это определенно знало, на что шло. Судьям Судного Совета следовало бы чаще проводить проверки в Академии Ши-Ян.

Исходя из заключения профессора Тамары Йоширо о двенадцатимесячном нахождении детей под гипнозом, можно смело утверждать, что Судный Совет не навещал Академию Ши-Ян около года, хотя если ознакомиться с Общим Уставом, плановые проверки обязаны проводиться два раза в год.

– Возможно, детей на время проверки прятали, – предполагает директор Магической Школы Искусств Рио Тахара. – Мог быть загипнотизирован конкретно тот класс, который увидел то, что ему было не дозволено. Господин Ямада не видел же всех-всех учеников во время того интервью. Это бы объяснило, почему проверка Судного Совета ничего не выявила. Это, конечно, если таковая проверка имелась. Боюсь, как бы абсолютно все ученики этой проклятой Академии не были подвержены трансу.

Самое интересное случилось после сбора подписей. Направленное заявление Судный Совет получил и ответил только вчера – практически спустя месяц. Я, Тара Ямада, прилагаю фотографию их официального ответа:

Журналисту газеты
«Научный мир зазнаек»
Таре Ямаде
От Судного Совета

УВЕДОМЛЕНИЕ

Здравствуйте, господин Ямада. Мы получили ваше заявление с требованием проверить магическое заведение, именуемое как Академия Ши-Ян. Мы также ознакомились с приложенными фотографиями и приняли во внимание 1148 людей, поставивших на вашем заявлении свою подпись.

Судный Совет спешит вас проинформировать, что Академия Ши-Ян не является учебным заведением для проведения подобных проверок. Академия является самостоятельным органом, заявившим о себе как о военно-подготовительном институте на случай войны. Следовательно, Судный Совет не имеет никаких полномочий для вмешательства.

Если вы владеете информацией о нарушении Кодекса Магических Заведений на территории школ, колледжей, институтов, академий, непосредственно специализирующихся на магии, просьба незамедлительно сообщить об этом нам.

С уважением, Судьи Совета

Отсюда вытекает простой вывод: Академия Ши-Ян нам всем нагло врала. Это вовсе не академия, а военно-подготовительный институт на случай войны. Интересно, какой войны? С кем Академия собралась воевать? Кто ее враги? И кто в состоянии наказать это заведение за непозволительное отношение к одиннадцатилетним детям?

Чтобы прояснить некоторые детали, я отправился в магическую школу, где работал бывший преподаватель Академии, господин Киюоши Танака. К сожалению, он отказался давать комментарии. Более того, он стал единственным, кто не поставил подпись на моем заявлении. Директор данной школы в принудительном порядке заставил Киюоши Танаку дать мне интервью, но тот в ответ уволился и пропал из поля зрения. Странно, не так ли?

Тридцатого мая – совсем недавно – выяснилось, что Академия Ши-Ян официально внесла меня в черный список. Об этом мне сообщил секретарь Академии, когда я позвонил, чтобы побеседовать с директором.

– «Именем Академии вы внесены в черный список, – сообщила мне секретарь. – Ваши статьи отныне считаются экстремистскими на территории заведения и не допускаются к чтению нашими учениками».

– «Солдатами», – поправляю я.

В ответ секретарь прервала связь.

Но отчаиваться не мой конек. С первого июня по тридцать первое августа каждого года она направляет своих преподавателей в Японию – в несколько городов, если быть точнее, сорок. Об этом нам поведала преподавательница Академии Сузуму Такахашии во время моего первого интервью. В вестибюле висел список городов и преподавателей. Сфотографировать мне не удалось, – такой храбростью я обзавелся только при общении с Киюоши Танака – подойти в вестибюль тоже – госпожа Такахашии сопровождала меня и не разрешала самостоятельно перемещаться. Но я точно знаю, где летом этого года будет сама госпожа Такахашии – в Нагано. Это ее собственные слова. Не верите? Перечитайте мое первое интервью!

Сегодня я отправляюсь в Нагано для второго интервью с Сузуму Такахашии. Я постараюсь добиться ответов на все мучающие нас вопросы, а именно:

1)

Почему военно-подготовительный институт прикрывается именем академии, где изучают магию?

2)

Кто же тот персонаж, предметы которого так тщательно собраны в подсобке кабинета истории?

3)

Какую опасность он может представлять для человечества?

4)

Почему директор Академии уволил преподавателя после того, как я его интервьюировал?

5)

Кто контролирует деятельность Академии Ши-Ян и как можно с этой организацией связаться?

6)

На каком основании гипнотизировали детей?

С вами был Тара Ямада, встретимся через неделю!

Глава девятая

БИБЛИОТЕКА

Внутри чувствовались холод и влага. Я оказалась в маленьком холле, темном как ночь. Когда двери позади меня закрылись, я окончательно потеряла видимость. В холле ни окон, ни лампы, никакого источника освещения. Я включила фонарик на телефоне и посветила вокруг себя. Меня окружали пустые бледно-зеленые стены, под ногами истертый бледный коврик, в дальнем правом углу теснились высокие часы с покачивающимся маятником. Тик-так, тик-так. Прямо напротив располагалась дверь. Я подошла к ней поближе и взглянула на замок: из проема торчал серебряный ключик. Я повторно осмотрелась и тряхнула головой.

– Что за холл у библиотеки такой? – пробормотала я себе под нос.

Ключ, видимо, следовало повернуть в замочной скважине: просто так дверь не открывалась. Я сделала три оборота, и механизмы замка закрутились так громко и отчетливо, будто кто-то переводил стрелки в башне Биг-Бена.

Наконец дверь удалось открыть. За ней – короткий коридор под светом шести мощных прожекторов, висящих в углах потолка. Я увидела женщину, сидящую за столиком, придвинутым к левой стене. Полноватая женщина с длинным носом и маленькими круглыми очками рассматривала какой-то непонятный предмет, держащий в руке. Она покручивала его и так, и эдак, но понять, что это, не могла. Я медленно двинулась в ее сторону. Каблуки постукивали по кафельному полу, но женщина на этот звук не реагировала. Словно мое появление ее не интересовало ни в коем разе. Когда встала прямо у стола, собралась поздороваться, однако женщина внезапно помахала рукой.

– А ну-ка посмотри, что это? – спросила она голосом писклявой дамы средних лет.

Не хотелось предвзято портить ее образ, но почему-то продавщицы на рынках именно с такими голосами начинают с кем-то громко и истерично скандалить. Ну да ладно. Возможно, это просто стереотипы.

Женщина продолжала смотреть на непонятный предмет. К кому обращалась, она, похоже, даже не видела. Я молча наклонилась – совсем чуть-чуть, несильно. Разглядела предмет. Какая-то странная безделушка, похожая то ли на бесцветный камушек в форме полумесяца, то ли на пластиковый нано-банан. Уж не знаю, существуют ли нано-бананы, но ситуация была настолько странной, что я бы не удивилась.

– Эм-м, не знаю, – пожала я плечами. – Странная штука.

– Похожа на нано-банан, – вдруг произнесла она.

Я вскинула брови, выпрямилась и выпустила удивленный смешок.

– Мне это на ум и пришло.

Серьезно, какова вероятность, что в одной комнате двое из двух опишут чудной предмет как нано-банан? Я перевела взгляд обратно на женщину. Одета в цветочную блузку, огненного оттенка волосы зачесаны вверх. До прически Мардж Симпсон ей не хватало примерно половины того, что она возвела благодаря лаку и спрею, но получилось вполне аккуратно. Ни одной волосинки не торчало. Хоть и выглядело все равно странно. Ни украшений, ни ручных часов, ни сережек. На морщинистом лице нанесен слабый макияж – слегка подведены брови, на губах – розового цвета помада. На щеке маленькая родинка. От женщины пахло приятными духами. Не сказать, что сверхдорогими. Вполне приличными. Было видно, что за собой она следить умела.

Удивленное выражение лица, глядевшего на непонятную вещь в руках, наконец сменилось безразличием. Женщина отложила предмет на край стола и посмотрела на меня. Глаза янтарные, – в точности такие, какие я приписывала Сэру – правда, в ее очках отражались прожектора, и это слегка мешало.

– Впрочем, неважно. А ну-ка, что у нас тут?

Она с головы до ног изучила меня, сложила руки на животе, оценочно хмыкнула и улыбнулась.

– Откуда это к нам такая красивая девочка пожаловала?

– Я... Я от Сэра.

Она не изменилась в лице. Улыбка по-прежнему не сходила, зато глаза как-то странно блеснули. И опять непонятно: то ли это свет прожекторов отразился, то ли мои собственные догадки.

– От Сэра, – повторила она задумчиво и медленно кивнула. – А ты точно готова?

– Да, – ответила я кивком, хотя понятия не имела, на что соглашаюсь. – Думаю, да.

– Вот как. Хорошо. Смелая ты.

Женщина встала из-за стола, повернулась к стене, сняла с крючка один из двадцати или больше ключ и направилась дальше по коридору.

– Не стой, пошли! – оглянулась она через плечо.

Я шатко тронулась ей вслед. Передвигаясь как утка, женщина то и дело тянулась свободной рукой к очкам, съезжающим к кончику длинного носа, и время от времени проверяла, не отстаю ли я.

Она остановилась у лакированной деревянной двери с симпатичным стеклом на уровне головы. За ним – тьма, ничего не разглядеть. Сунула ключ в замочную скважину, сделала пару оборотов и оттолкнула дверь – та со скрипом открылась.

– Пойдем, – сказала она.

Включила свет, померцавший первые десять секунд, и я увидела средних размеров помещение, обставленное книжными шкафами в несколько рядов. На полках – пыльные книги, отсортированные по жанрам. На это указывали белые бумажечки, приклеенные к каждой полке, с ручной надписью: «наука», «история», «религия» и тому подобное. Справа стояла стойка, за которую зашла женщина. Сложила на ней локти и молча уставилась за меня. Томно вздохнула. Я в недоумении обернулась – подумала, может, дверь нужно закрыть? Закрыла.

– Открой, – тут же попросила женщина.

– Я просто подумала...

– Открой-открой, – сказала она.

Я послушалась.

– Сэр хоть что-нибудь тебе объяснил? – наклонила она голову так, что очки опять съехали на край носа.

– Эм... нет.

Женщина удивилась. Сыграла бровями, подумала с минуту и задала другой вопрос:

– А что, по-твоему, ты делаешь?

Я неловко дернула плечами.

– Он сказал, потом все объяснит. И что времени крайне мало. Сказал вас слушаться.

– Ну, здесь уж он прав, – многозначительно хохотнула женщина. – Ерунды я не скажу. Вот только мне интересно, какова во всем этом твоя роль?

– Пока не знаю. Точно уверена в том, что главная.

Женщина улыбнулась.

– Может и так. Может, ты спасешь нас всех.

– Спасу? – переспросила я.

– Ох, он же ничего не рассказывает, – махнула она рукой. – А зря. Знала бы ты больше... Ну, черт с ним. Его решение, не мое. Вообще, мы все в опасности, девочка.

– Что за опасность? – нахмурилась я.

Женщина отвела взгляд от меня чуть правее и улыбнулась. Я почувствовала чье-то присутствие. Повернулась и обнаружила высокого молодого человека в военной форме. Он стоял в дверном проеме по стойке смирно. Взгляд устремлен прямо перед собой. Странно, что военная

форма на нем была прошлого расклада. Сейчас таких не шьют. В его зеленой каске я заметила вмятину, штанина в области колена насыщалась кровью, и это пятно постепенно увеличивалось в размерах.

– С вами все в порядке? – в шоке таращилась я на его колено.

Но солдат молчал, не моргнув. В его глазах отображалось много боли. Но он храбрился изо всех сил.

– Не обращай внимания, – сказала мне женщина. – Я сделаю ему перевязку.

Она спокойно обратилась к нему, вытянув через стойку ладонь.

– Принес?

– Так точно! – громко отчеканил солдат.

Он сделал два шага к стойке, встав рядом со мной, и протянул женщине маленький ножик. Не меньше перочинного и не больше кухонного.

– Молодец, – похвалила женщина. – Жди меня в медпункте.

Парень отдал честь и маршем покинул помещение. Какое-то время слышались его четкие увядающие шаги.

– Тут неподалеку учения проводят? – помотала я головой в полнейшем замешательстве. –

И откуда у вас медпункт в библиотеке?

Женщина пожала плечами.

– Может, и проводят. Мне-то откуда знать?

– Но... солдат...

– Это неважно. Слушай меня очень внимательно. Возьми этот нож, – протянула она мне его. – Ты должна будешь отыскать краба-отшельника и убить его. Поняла?

Я с торможением переспросила:

– Убить краба? Вы... вы же это не всерьез?

– Какие тут шуточки! – воскликнула женщина. – В городе ты должна найти большого красного краба-отшельника, пронзить его этим ножом и принести труп сюда, ко мне. Не удивляйся, отнесись к ситуации проще. Иначе говоря: смотреть нужно на *простые вещи*.

Абсурд какой-то. Что еще за краб? Зачем его убивать и тащить сюда? У этой дамочки что, не все дома? Ничего не пойму. Крайне дурацкая просьба, в которой я не видела никакого смысла. Может, она шутит? Я секунд пять изучала ее выражение лица – суровое, напряженное. На лбу даже вена выступила. Похоже, нет, она не шутила.

Я осторожно переняла нож, открыла рюкзак и положила его туда.

– Позвольте поинтересоваться, зачем вам нужен мертвый краб-отшельник?

Та изогнула бровь.

– Ты ж сама сказала, Сэр обещал потом сам все объяснить. Хотя сомневаюсь, что эту просьбу он поймет.

Она рассмеялась. Я стояла с застывшим от недоумения лицом.

– Ладно, – пожала я плечами. – Как угодно. Найду, убью и вернусь с добычей. Вам нужен определенный краб-отшельник или любой?

– Любой, любой, – быстро проговорила женщина – казалось, эта деталь ее не волновала. – Главное, большой и красный. Он будет расхаживать по улицам города. Ну, увидишь.

– Хорошо, – кивнула я.

Я покинула библиотеку и искренне удивилась, когда над старинными зданиями улочки увидела оранжевый закат. Двери позади меня наглухо захлопнулись. Оглянувшись на них, я окончательно сбилась с толку: выходит, я проторчала в библиотеке целый день?

Красный краб, красный краб... Глаза то и дело внимательно изучали вымошенную камнем улочку, на которой я прежде не была. Машин на дороге мало, людей тоже. Я завернула за угол, прошла по следующей пустой улице и вышла к центральному парку отдыха. Фонтан не

работал, на скамьях сидело всего три человека. Я неторопливо прошлась по плиточным дорожкам парка, сканируя зеленый газон: вдруг краб-отшельник будет бродить где-нибудь здесь?

Нет и снова нет. Все равно логика в словах женщины отсутствовала. Если следовало найти неважно какого краба, зачем она упомянула, что он будет расхаживать по городу? Значит, искала я, все-таки, определенного краба-отшельника? Или их несколько?

Поиски занимали больше трех часов. Недавно стемнело. На часах – десять двадцать три. Город накрыла холодная ночь, засверкали звезды. Я обошла весь центральный район и три района вокруг. На пятом глаза сильно устали. Пришлось делать зарядку. Смотреть в ночное небо, фокусировать зрение на чем-то близком, а потом на далеком. После зарядки снова напрягала зрение, изучала каждый фантик и обертку на земле.

Я заметила, что обыск одной улицы до ухода заката составлял полчаса, после заката – под час. Разыскивание затруднилось ввиду отсутствия хорошего освещения. Фонарные столбы хоть и горели ярко, но то, что находилось за пределами их света, обретало контрасты сильных теней. Пришлось воспользоваться телефоном. Включив функцию фонарика, я направляла тонкий луч света под припаркованные машины, в подстриженные кусты вдоль улочек и дорог, даже в мусорных баках проверяла – вдруг негодник умудрился забраться туда?

Однако поиски ничего не дали. Безрезультатно тянулись и истощали меня как морально, так и физически. Те странные пятнадцать минут, проведенные в библиотеке и по волшебству обратившиеся в семь часов, неведомым образом отразились на моем желудке – ближе к одиннадцатому часу он вызвал слабые судороги. Ох, а ведь я ничего толком не поела за целый день. Поэтому поиски краба-отшельника сменились поисками ближайшего кафе.

По иронии судьбы я находилась как раз на той улице, где вчера медитировала на пороге рёкана «Тазава». Да, а вот и рёкан. По-прежнему закрыта, в окнах беспросветная темнота. Я глянула через дорогу – та же широкая парковка, где я ждала Тору, кинотеатр, торговый центр и офисное высокое здание. Все сооружения рядками вплотную шли друг за другом.

– В торговом центре уж наверняка будет кафе, – решительно подумала я и перешла дорогу.

Направляясь к зданию, мимолетно бросила взгляд на парковку – белоснежная машина Тору ожидала своего хозяина. Я рефлекторно сверила время на ручных часах – уже одиннадцать с лишним, а он еще не дома. Сегодня, значит, остается допоздна. Может, и домой как раз вместе поедем.

Не успела я дойти до парадных стеклянных дверей торгового центра, как из офисного здания показался высокий парень в белой рубашке и тонким черным чемоданом. Походка размашистая, на указательном пальце руки крутится кольцо с ключами.

– Тору-сан! – воскликнула я.

Парень закрутил головой и врос в землю в попытке понять, кто назвал его имя. Вокруг нас расхаживало человек тридцать, – кто в кино, кто с работы – и это дезориентировало его.

– Коан-сан! – наконец увидел меня парень и замахал рукой.

Мы подошли друг к другу. Он улыбнулся и опустил брови, словно случилось что-то абсурдное.

– У меня дежавю, – заявил он. – Вы гуляли?

– Да... Изучала город. Устала. Дай, думаю, пересажу в торговом центре.

– Ох, место отвратное, – махнул Тору рукой в сторону торгового центра. – И кормят невкусно.

– Вот как... Тогда здорово, что встретились. Я собиралась там поужинать.

– О, нет! Ни в коем случае! – точно перепугавшись, закачал он головой. – Ребята в моем офисе почти все получили отравление, несварение или другие не самые приятные последствия! Даже Эми отравилась в феврале! Там работает всего одна кафетерия.

– И она так нагло травит людей? – возмутилась я. – Почему ее не закроют?

– Я имел в виду, там *осталась* одна кафетерия. Другие, где преимущественно травились, прикрыли. Но я бы и этой, знаешь ли, доверять не стал...

Я поверила Тору на слово. Он источал спокойную мужскую уверенность, которой набирался будто бы сто лет. Мне кажется, в тяжелые периоды жизни он умел успокаивать и служить верной опорой. Такое с первого взгляда ему не припишешь – выглядел он молодым юношей.

– А вообще, Коан-сан, зачем вы решили ужинать в сомнительном торговом центре, когда у вас есть дом? Эми наверняка приготовила что-нибудь. Конечно, ужином это уже не назовешь – время скоро двенадцать. У кого-то проблемы с нарушением рациона питания! – Указательным пальцем он начал водить по воздуху, а затем ткнул в меня и себя. – Надо же, у нас!

Мы одновременно рассмеялись.

– Не привыкла, что у меня есть дом, – пожалала я плечами с широкой улыбкой на лице. – Я, Тору-сан, искренне рада, что повстречала вас.

Тору благодарно улыбнулся в ответ.

– Ну так что, идем? Машина на парковке.

Признаться честно, к концу своего поискового дела под названием «Найди краба» я страшно озябла. Накидкой с утра я пренебрегла – откуда же знала, что библиотека съест целый день? Тору и я пришли к парковке, сели в его машину и тронулись с места.

По пути поднимали светские темы. Тору немного рассказал о прогнозе погоды, которая на неделе обещала ухудшиться, о любимых книгах и стоящих фильмов в прокате.

– Мне нравится научная фантастика, – признался он. – У меня в комнате на книжной полке основная часть ей посвящена. Жюль Верн, Герберт Уэллс... Романтические истории, которые они писали, полные любви и философии, очень удачно переплетались с научной тематикой. Что-то являлось вымыслом, что-то пророчеством, что-то имело подтверждение и смело называлось научными фактами. Романтика и наука для меня как красное вино и дорогой сыр – идеально сочетаются.

– Это самое необычное сравнение, которое я когда-либо слышала! – заявила я. – До этой минуты я не сопоставляла романтику с наукой. Вернее, не задумывалась, какая хорошая команда из них могла бы быть.

– Почитай Жюль Верна для начала, – посоветовал Тору, внимательно следя за дорогой. – Потом Уэллса. Уверен, ты удивишься. Они сделали то, чего до них никто никогда сделать не додумался. Настоящие мастера своего дела, не иначе. Кстати, я на полном серьезе убежден, что мистика и сверхъестественное являются нижней ступенькой научной фантастики.

– Это как? – полюбопытствовала я.

Тору бросил на меня неутешительный взгляд.

– Приготовься, – улыбнулся он краешком рта. – Будет долго.

– Я внимательный слушатель, – заверила я.

Тору сделал глубокий вдох и начал:

– Если допустить возможность объяснения любого паранормального явления через науку, то паранормальное явление по своему определению перестанет восприниматься как нечто, что человек не в состоянии объяснить или понять. Мне кажется, именно этим человечество и занималось на протяжении всего своего существования. Эволюция с цивилизацией отточили навыки умения критически мыслить, тем самым ускорив процесс саморазвития, – посмотри, какой прогрессивный скачок мы совершили в научном и техническом планах – и, собственно, закрепила нормы морали. Я к тому, что когда-то древние люди воспринимали молнию как знак гнева со стороны всевышнего божества. Затем наука объяснила, откуда молния появляется. Как и огонь. Дождь, солнце, гром. Раньше эти явления считались сверхъестественными вещами, огонь порождался магией, а чтобы угодить небесным богам, приносили жертву. Сегодня, когда практически любому явлению дано научное объяснение, продолжают – хоть и в малом количестве – существовать вещи, на которые наука не может дать ответа. Я

склоняюсь к двум вариантам: либо это фикции для привлечения внимания, либо человечество не достигло пика своего развития.

– То есть мистика – это ровно то, чем занимались древние люди?

– Мистика есть неизвестное и необъяснимое, – ответил Тору. – В каком-то смысле это так. Но не думаю, что ей занимались древние люди. Их уровень развития не позволял пересечь грань умственных способностей, а у них таковых, считай, практически не было. Я понимаю, что до пика развития человечеству еще далеко, но и проделанная тысячелетняя работа является огромнейшим успехом.

– Вот, скажем, призраки – фикция или неизученное явление в области науки?

Тору хмыкнул и задумался.

– Смотря как к этому вопросу подойти. Я лично настоящих призраков ни разу в жизни не видел и больше склонен относиться к ним как к порождению человеческого воображения. Психика и самовнушение работают не благодаря, а вопреки здравому смыслу. Наша голова – сильное оружие, но, к сожалению, мы никак не научимся использовать ее по назначению. Подавляющее большинство болезней можно усмирить с помощью психологического настроя и правильной установки. Но нас всегда останавливал страх. Это вечная дилемма. Понимаешь, Коан-сан, на мой взгляд, страх движет девяносто процентов достигших результатов во всевозможных областях. Страх является ответвлением веры. А там – верь в кого хочешь. В призраков, макаронного монстра, бога. В кого угодно, лишь бы на душе было легче. Человек – существо слабое.

– Как-то не очень религиозно это прозвучало, Тору-сан.

– Ну, как есть, – улыбнулся он. – Никого не хочу обидеть. Может, я заблуждаюсь. Может быть, нет. Тем не менее, апеллирую я фактами и историей. Немного и предположений, конечно. Без них никуда.

– По-вашему, что нематериально, то – плод воображения?

– Я бы не хотел все запускать под одну гребенку, а то получится черт-ти что, – осторожно ответил Тору. – Любовь нематериальна, но она существует. Это ведь тоже явление, которому дали название. Определенные химические реакции внутри человека, порой лишаящие его здравого смысла. Ох, надеюсь, Эми этого не услышит! – улыбнулся он.

– Эми-сан разделяет ваши взгляды?

– Не все, но основные. Эми – человек верующий, но в то же время допускающий.

– Допускающий... что?

– Что религия – плод человеческого воображения, – пояснил Тору. – Я в этом убежден, а там – люди считают как хотят.

– Вы убеждены в этом, потому что однажды обожглись и разочаровались?

– Можно и так сказать, – кивнул Тору.

Он включил поворотник и завернул налево. На пути встретился светофор. Нажав на педаль тормоза, парень плавно остановил машину. Мы постояли.

– Вера необходима человеку более слабому, – сказал Тору. – Это неприятно признавать, но это так. Нам хочется верить, что на небесах мы встретим умерших родственников, что там, наверху, есть кто-то всемогущий. Кто нас услышит, если прочитать слова в определенном порядке – это я так называю молитвы. Хочется верить, что после смерти нас ждет вечная жизнь. Ведь наша душа куда-то должна деться, так ведь? Как же иначе. Не может же она просто взять и исчезнуть! Иными словами, это нормально. Вера – дело неплохое. Я вовсе не против. Просто... вере также подвержена категория опасных людей. Слишком слабых внутри. Психологически нестабильных. Такие люди начинают войны, розни, убийства на религиозной почве...

– Согласна, это страшно и ужасно. Но не кажется ли Вам, что проблема не в людях, а в религии в целом?

– Люди, религия... Те придумали, другие приняли, – ироничным тоном ответил Тору. – Это ведь продукт одного производителя. Религия в моем понимании не может быть рассмотрена как отдельное явление, вроде огня или грозы. Гроза существует независимо от человека. А религия, напротив, с его появлением. И то не сразу. Она не самостоятельна. Ее породил человек и за нее он в ответе. Поэтому если кого и винить, то, конечно же, человека. В религии собрана величайшая мудрость. Те моральные устои, которые были выработаны людьми на протяжении многих веков, закрепили в Библии и подали ее как нечто святое и единственно верное. Другое дело – как люди к этому отнеслись. Кто-то нетолерантен, ограничен и глуп, чтобы принять иную точку зрения, а кто-то живет в мире и гармонии. Здесь очень важно понять, какую роль в твоей жизни играет вера. Если значимую – тебе будет достаточно спокойно жить и не кричать на каждом углу, что Бог есть. Если никакую – тебе будет достаточно спокойно жить и не кричать на каждом углу, что Бога нет. Все просто.

– И какую в Вашей жизни роль играет вера?

– Никакой. И я никому ничего не навязываю. Каждому свое.

– Интересно. Но... как же можно жить с мыслью о том, что однажды тебя не станет? И ты просто... исчезнешь? – Я искренне этого не понимала и заинтригованно смотрела на Тору. Тот пожал плечами.

– Это требует храбрости и силы, – сказал он после тяжелого вздоха. – Я знаю, что однажды исчезну. Ведь, черт возьми, где в таком случае я находился до своего рождения?

И он в ожидании повернул ко мне голову. Я растерялась.

– То-то же, – невесело улыбнулся Тору. – Я отправлюсь туда же, откуда и пришел – в никуда. Рождение – начальная точка, смерть – конечная. А до и после размыты бесконечными просторами вселенной и нашими личными домыслами.

Я помолчала с минуту и покачала головой себе под нос. Тору это заметил.

– Я тебя ничем не обидел? – взволнованно спросил он. – Возможно, в чем-то я был бестактен... Черт, стоило спросить сначала о твоих взглядах...

Светофор загорелся зеленым, и машина тронулась дальше.

– Нет-нет, все в порядке, – заверила я. – Я агностик. Просто я поражена глубиной ваших взглядов. За свою жизнь по-настоящему мыслящих людей я встречала раза два, не больше.

– Ф-ух! Слава богу! – выдохнул он с облегчением. – А то я что-то поднапрягся. Как говорится, начали за здоровье, кончили за упокой. С чего завязалась вся эта тема?

– С научной фантастики, – рассмеялась я коротко.

– Ох, точно! – воскликнул парень. – Ну, короче говоря, научная фантастика в будущем может перерасти из понятия книжного жанра в реальное научное подразделение. Я искренне в это верю. Тогда бы и призраки стали объяснением фактическим, а не теоретическим. Конечно, это если призраки не являются метафорой... Я вот слышал, что в Америке многие католические проповедники к демонам и ангелам относятся как к метафоре хороших и плохих человеческих поступков. А к вере как к средству психологической разгрузки прихожан.

Тору открылся для меня с новой стороны. Я бы и в жизни не подумала, что он так глубоко мыслит. Конечно, со многим бы я могла поспорить, но не стала. Мир, в котором жила я, был полон всяких странностей. К счастью, Тору с ними не сталкивался. Он жил в обычном мире, в котором, скорее всего, работали свои, нормальные законы. Мой же мир служил полнейшим противоречием каждому утверждению парня.

И то, что произошло дальше, будто специально решило пошатнуть взгляды такого здравомыслящего человека, как Тору.

– ОСТОРОЖНО! – вскрикнула я, указав на дорогу и вжавшись в сиденье автомобиля.

– Какого черта?! – воскликнул Тору от увиденного, резко затормозил и свернул к обочине.

– Ты видел это? – не могла отдышаться я.

– Да, – кратко кивнул Тору с перепуганными глазами. – Мы увернулись от нечто крупного и розового.

Одновременно мы обернулись на своих сиденьях. Тору не ошибся. Дорогу действительно переходило существо размеров очень упитанного теленка, но выглядело оно в точности как...

– Краб, – сглотнула я.

Глава десятая

ИНТЕРВЬЮ #5

Она ожидала его в своей желтой палатке, расположенной на огромном рынке одного из районов Нагано. Здесь она появилась во второй раз: в прошлом году женщину направили в Уатэ – городок тихий и спокойный. В Нагано все иначе.

Та улочка, где находился рынок, была крайне узкой и тесной: палатки вплотную стояли друг к другу, стоял непрекращающийся шум, а солнце палило со всей силы. Покупателей много – кто шел за одеждой, кто – за едой, кто – за всяческими полезными травами. Продавщицы – в основном, женщины – знали свое дело и умело заманивали мимо проходящих, выкрикивая завлекательные фразы. Люди не могли проигнорировать и обязательно останавливались – хотя, конечно же, не все.

Товары одной лишь женщины из желтой палатки никого не интересовали. А все потому, что вещей повседневного спроса у нее попросту не имелось. Единственное, что она могла предложить, – три десятка книг с весьма странными названиями, стопками лежащие слева от нее. Справа – какие-то непонятные брошюры, разбросанные на невысоком складном столике. Женщина скусающе сидела, подперев рукой подбородок, и смотрела вдаль – напротив располагалась другая палатка, но мыслями женщина явно была где-то очень-очень далеко.

Она ловила на себе странные взгляды прохожих и продавцов. Никто не понимал, зачем она здесь и что предлагает. Уже четыре дня она занимает место на рынке, появившись словно из ниоткуда. Неужели женщина и впрямь полагает, что такими товарами привлечет людей? Если так, то она нисколько не смыслит в торговом бизнесе. Предложить нужно то, в чем нуждается основная часть покупателей. А всякие книжки с сомнительными названиями – не сектантские ли они? – пролежат здесь до следующего сезона, если не подсыреют до дефектного состояния. А учитывая влажность в этом районе, скорее всего так и произойдет.

Но женщину не интересовали обычные прохожие. Она ждала только одного человека. На других ей было все равно. На мнения, недоумевающие и насмешливые взгляды, негромкие обидные высказывания в адрес ее товара и ее самой. Женщина была выше всего этого. По опыту знала – иначе бы не произошло. То же самое случилось в Уатэ тем летом, и ничего. Справилась.

И вот, он появился.словно феникс, восставший из пепла, прорвался сквозь тучную толпу людей, теснившихся на узкой улочке. Он сразу же ее узнал – однажды они имели честь общаться. Подойдя к женщине, он поклонился. Она поклонилась в ответ. Заметила, как с его плеча на крепком ремешке свисает фотоаппарат. Наверное, тяжелый, думает она. Новый и однозначно дорогой.

– Здравствуйте, Сузуму-сан. Очень рад встрече.

– Здравствуйте, Тара-кун. Ведь тебя зовут Тара, да? – уточнила женщина.

– Совершенно верно, – улыбнулся он и поклонился вновь. – Прежде чем вы мне откажете, я бы хотел сказать, что потратил очень много времени и сил ради этого интервью. Обычным людям долгие поездки даются тяжело, не то что вам... И вы – одна из немногих, кого я бы не хотел... эм... разгромить во время интервьюирования. Еще с прошлого раза я проникся к вам некой симпатией.

– Я не собиралась вам отказывать, – заявила она. – Более того, я знала о ваших намерениях встретиться.

– Вычитали из газеты? – догадливо спросил Тара.

– Нет. Хотя к вашей работе отношусь уважительно. На самом деле, мне сообщили. У меня свои... птички.

Тара многозначительно сыграл бровями. Он уже понимал, Сузуму Таказахи – женщина непростая во многих смыслах. Мало того что в магическом заведении преподает, так еще и связи имеются. Хотя, конечно, ее «птички» просто-напросто могли прочесть статью Тары – он предположил и такую версию.

– Вы не боитесь, что вас могут уволить? – спросил Тара. – Согласиться на интервью со мной – дело не самое разумное.

– Смотря какую сторону занять, – пожала плечами Сузуму-сан.

Ей было за пятьдесят. Может, пятьдесят четыре или пять. Чуть полновата. На руках сильно проявлены вены, синими линиями виднеющимися из-под белой как снег кожи. Волосы темные и вьющиеся, аккуратно расчесаны до кистей пухлых рук и убраны за плечи. Лицо женщины Таре напомнило запеченное яблоко – на лбу, под губами и щеках прорезались глубокие морщины. Глаза бледно-синие, в них разглядывалась бездна, сложенная из загадок и тайн. И судя по приподнявшемуся уголку рта, Сузуму Такахаши была готова раскрыть некоторые из них.

– И какую сторону вы занимаете? – заинтригованно спросил Тара Ямада.

– Всегда одну – сторону справедливости.

– Вы верите в справедливость? – чуть разочарованно последовал вопрос из его уст.

– Нет, я же не ребенок, – спокойно отозвалась Сузуму-сан. – Справедливость только в наших руках, вот люди ее и вершат как могут. Это не птица, летающая над головами тех, кто согрешил, и сбрасывающая на них камни. Хотя, гипотетически, каждый из нас имеет потенциал стать такой птицей.

Сузуму Такахаши после этих слов перестала говорить и ожидающе смотрела на Тару. Давно он не чувствовал себя таким мальчишкой – именно на этой мысли он поймал себя в тот момент. Тара вопросительно указал на себя пальцем.

– Да-да, – кивнула женщина. – Я о тебе.

– Вы думаете, я имею потенциал стать птицей справедливости? – уточнил он.

– Ты ей уже стал, Тара-кун, – сказала Сузуму-сан. – А ты считаешь иначе?

Тара неуверенно дернул плечами.

– Моя работа по определению требует справедливого освещения событий. Это вопреки уверениям тех, кто называет журналистику грязной профессией.

Сузуму-сан вздохнула и покачала головой.

– Профессию грязной делают люди, – ответила она. – Человек не может уяснить, что любое явление, – особенно нематериальное – придуманное им самим, несамостоятельно. Оно не делает ни лучше, ни хуже. Оно статично. А управляет им он сам.

Тара улыбнулся и кивнул. Лучше и не скажешь. Да и надо ли?

Сузуму-сан жестом руки пригласила зайти в палатку. Проходящие с улочки люди то и дело толкали парня, и его фотоаппарат на кожаном ремешке дергался как бабочка без одного крыла.

– Сколько тебе лет? – полюбопытствовала она.

Тара сел на второй стульчик, достаточно низкий для его роста – ноги, согнутые в коленях, торчали двумя нелепыми палками.

– Двадцать три года.

– Совсем молодой юноша, – промолвила Сузуму-сан. – Ты на верном пути. Наша встреча определенно принесет свои плоды, правда, многим не понравится то, о чем я тебе поведаю. – Ее взгляд скользнул на фотоаппарат. – Можешь фотографировать, если хочешь.

Тара резво осмотрелся. Он давно положил глаз на две стопки книг и принялся делать снимки, не вставая с места. Затем он поднялся, обошел женщину и сфотографировал брошюры. Повесил фотоаппарат обратно на плечо, сел на стульчик и тихим голосом спросил:

– Вы будете в безопасности после нашего интервью?

– Это не имеет никакого значения.

– Что ж... хорошо, – недоверчиво произнес Тара. Вытащил из верхнего кармана красной кожаной куртки маленький блокнотик и щелкнул ручкой, поставив пометку над первым вопросом. Следом из другого кармана достал черный пластмассовый диктофон и нажал на красную кнопку. Запись пошла. – Сузуму-сан, прежде всего, хочу поблагодарить вас за то, что вы согласились на это интервью. Уверен, решение далось вас не сразу, ведь, если мне не изменяет память, при первом нашем общении вы вели себя официально и скрытно одновременно...

– В прошлый раз были совсем другие обстоятельства. Однако, заметьте, я нигде не солгала и даже дала вам небольшую наводку.

– Да, я оценил упоминание о человеке, находящемся в бегах. Это сильно помогло мне во многих зацепках в дальнейшем расследовании. Вы каким-то образом давали мне сигнал...

– Совершенно верно, – подтвердила Сузуму-сан. – По внутренним правилам Академии преподаватели не имеют права покидать ее стены. Если, конечно, того не требуют обстоятельства. Долго не требовали. Как впрочем, и моя нужда обратиться к миру и заручиться поддержкой. На протяжении полутора года я не могла выйти из заведения, будучи запертой там как пленница. Никогда прежде я себя таковой не ощущала – Академия всегда была мне как дом. Последние полтора года выдались ужасными, и когда я узнала, что директор позволил журналисту прийти для интервью, то стала первой, кто просил встретить вас. Вам же известно, в каких секретных реалиях существует Академия. Полтора года назад, может, это и имело смысл. Я объясню почему: наш директор не очень-то публичный человек. Он понимал, что другие магические школы являлись нашими прямыми конкурентами в звании лидирующего заведения, и еще сотни лет назад ввел жесткие правила на тему открытости и публичности. Любые наши открытия в областях магии, науки, футуристских предсказаниях могли быть украдены и присвоены себе. Я это понимала. Конкуренция есть конкуренция. Закрытость – вынужденная мера. Когда ты знаешь слишком много, лучше, понимаете ли, сидеть тихо и не высываться. В общем, я объяснила. Так продолжались добрые сотни лет. Но затем... полтора года назад... все поменялось. И секретность сыграла с нами злую шутку.

– Что же случилось?

– Для полного понимания ситуации мне придется углубиться чуть ли не до самых истоков. А вообще – виной всему краб.

Тара потряс головой и нелепо улыбнулся, будучи заинтригованным. Сузуму-сан продолжила.

– К крабу я вернусь позже. Смотрите, есть наука, а есть магия. Чистейшая энергия, нетронутая человеком и несмешанная с его душой. Эта энергия воистину является волшебством в масштабах человеческого понимания. Такую энергию называют Ши-Ян. Первые триста лет Академия посвятила изучению этой магии, каждому нейрону, полагаясь лишь на саму структуру Ши-Ян и другие виды магии, как бы отодвигая их в сторонку. Были написаны сотни книг на тему Ши-Ян – ее подвидов, правил эксплуатации, структурного анализа, взаимосвязи с космосом, природой и человеком и тому подобного. Затем Академия поняла, что внутри понятия Ши-Ян спрятано множество ответов на вопросы, которыми обыкновенные ученые задаются очень долгое время. Тогда наши профессора и преподаватели углубились в науку, пытаясь подойти к ней с совершенно другого угла. Они пришли к удивительному выводу: практически

любой научный вопрос, мучающий ученых тех веков, – а впоследствии и современных – прокладывал дорожку к магии Ши-Ян, ее внутреннему анализу и устройству. Ши-Ян объясняла манеру поведения и характер природы, ее привычки и даже вредности. Ши-Ян одним своим существованием доказала наличие у природы баланса. Таким образом, Академия опытным путем продемонстрировала, что магия Ши-Ян и наука в наших исследованиях и открытиях являются неотъемлемыми и взаимозависящими частями друг друга.

С осознанием этой мысли в Академии открыли три кафедры: Науки, Магии Ши-Ян и Науки Ши-Ян. Первые две были ясны и, не побоюсь этого слова, примитивны для преподавателей заведения – все прекрасно представляли, как работает и наука, и магия. Но с третьей кафедрой... С ней всегда было тяжело. С ее открытием, очевидно, поспешили. Процесс обучения наступал на пятки процессу новых открытий, делающихся на основе магии и науки. Было сложно за всем поспевать... Учебная программа на этой кафедре составлялась буквально во время учебного года – порой едва ли не за неделю. Долгое время я не могла понять, к чему такая сумасшедшая спешка, ведь, наверное, следовало сначала полностью исследовать природу Науки Ши-Ян и разобраться в ней как следует, а уж затем и кафедру открывать. А если какие-то ошибки были сделаны, а материал уже пройден? Переучивать студентов? С этой претензией многие учителя Академии наведались к нашему директору. Он все понимал. Но сказал, что выбора у него не было: в то время начали открываться первые – после нас – магические заведения со своими свежими идеями и громкими речами о собственной неповторимости – им нужно было привлекать потенциальных студентов. Наши рейтинги начали сильно сбиваться, учеников с каждым годом становилось все меньше. Связь Ши-Ян с наукой стала козырем для Академии – к счастью, никто среди других магических школ не мог связать волшебство с наукой. И наш директор заявил на весь магический мир, что Академия Ши-Ян тесно сотрудничает с наукой, а ее уникальный вид магии является неотъемлемой частью научного мира. Это заявление всполохнуло всех и каждого – начался поток журналистов, «засланных казачков», бесконечные очереди коллегий из других магических заведений у наших дверей, желающих поговорить с директором... А на тот момент нашими профессорами были сделаны легендарные открытия и потрясающие исследования, которые нам пришлось скрывать изо всех сил. Мы ясно понимали: любое общение извне сулило утечкой информации. Открытия у Академии имелись достаточно неожиданные и местами страшные. Попадай они в руки другим, началась бы паника. Страх охватил бы как магический, так и обычный мир. Поэтому наш директор отказывал в интервью, беседах и встречах девяноста пяти процентам журналистов, директоров других школ и всяческих колледжей. Тогда Академия стала крайне таинственным и непубличным местом, главным предлогом которой служила функция взаимосвязи магии с наукой – уникального, по сути, явления. Так что с тех пор наша закрытость и сделала нас популярной. Всем хотелось знать, как же нам удастся сотрудничать с наукой, и рейтинг только возрастал.

Тем не менее, желание всех обогнать сыграло с нами злую шутку. На кафедре Науки Ши-Ян имелась тайная лаборатория, куда студентов не пускали. В ней разрабатывались новые теории, правила и законы. Ставились опыты. В том числе существовала ветка возможной гибридизации животных естественным образом. Задача звучала так: опытным путем доказать существование явления «естественная гибридизация» на примере животных. Но учитывая тот факт, что естественная гибридизация в животном мире была давно доказана, Академия решила сделать акцент на мифических животных – тех, кого никто вроде бы не видел, но о которых складывались многовековые легенды. За основу было взято существо из японской мифологии под названием «амикири». Амикири считались ракообразными духами – ёкаями – небольшого размера с красным прочным панцирем и клешнями как у краба. Опять же, обращаясь к японской мифологии, амикири не представляли особой угрозы для людей. Их единственным предназначением было резать сети. Впрочем, другими людьми считалось, что ами-

кири могли нагнать на рыбаков нищету: срезав сеть, они могли сделать так, что рыба не будет попадаться ни в одну другую сеть, и рыбак бы умер от голода.

Одно могу сказать точно: в семнадцатом веке директор лично имел честь видеть существо, по описанию очень похожего на амикири. В 1652 году директор взял это существо к себе, назвал Котиком и держал в своем кабинете как домашнего питомца. Вскоре оно скончалось – прожило месяца два. Его скелет директор оставил – словно знал, что спустя триста лет для науки пригодится. И вот, полтора года назад профессора Академии попросили скелет питомца у директора и провели свои исследования. Вот, что они установили.

Этот вид прожил на Земле примерно пятьдесят лет, но затем весьма быстро изничтожился ввиду невозможности репродукции. Наши профессора дали ему официальное название – амикири, тем самым подтвердив его реальное существование. К сожалению, амикири являлись бесполовыми существами – правда, в японской мифологии кто-то, все же, считал их гермафродитами – и прожили очень маленький промежуток времени. Сложно сказать, зачем вообще природа их порождала, но, очевидно, она тоже любит экспериментировать.

Итак, Академии требовалось продемонстрировать, что амикири (до того как полностью быть стертыми с лица земли и переключаться в образ духов из японской мифологии) являлись продуктом естественной гибридизации. То есть гены нескольких животных – в случае с амикири – млекопитающих – в процессе саморазвития потенциально могли обрести единый, скомбинированный из нескольких ген в виде совершенно нового существа...

Задача была поставлена, эксперимент был запущен. За восстановление внешности амикири отвечала определенная группа профессоров во главе директора – он прекрасно помнил, как выглядел его питомец. Впрочем, одного скелета было достаточно для определения внешности... Но неважно. Думаю, директор очень сильно ностальгировал по своему Котику и решил лично контролировать процесс. Группа макетным путем воссоздала облик амикири и после тщательного исследования его природы определила: в процессе естественной гибридизации амикири скомбинировал в себе гены обычного краба, о чем свидетельствовали его клешни, рака, о чем свидетельствовал красный сегментированный панцирь, и птицы, на что указывало наличие клюва.

Чтобы скомбинировать гены трех вышеназванных существ, профессорам требовалось доставить их в лабораторию. Первым принесли краба. Его поместили под стеклянный колпак. На поиски необходимых подвидов птицы и рака потребовалось некоторое время. Запуск эксперимента затягивался. Краба оставили держать в лаборатории под тем же колпаком, никакой угрозы он не представлял.

Тем не менее, на следующее утро, когда птицу и рака нашли, профессора вернулись в лабораторию для долгожданного старта, но к их полнейшему недоумению краб исчез. Стеклянный колпак был разбит в щепки и осколками валялся по всей лаборатории, точно лопнул. Никаких проникновений не обнаружили – взлома дверей не было. Вероятно, кто-то воспользовался магией и прошел сквозь стены, чтобы стащить пропажу, но на лаборатории стояли сильнейшие магические замки. Профессора во главе с директором Академии единогласно сошлись в убеждении, что вором был человек знающий. Но кому был нужен какой-то краб? Самый обычный, несчастный красный краб. Более того, профессора обратили внимание на жуткий переполох в лаборатории, словно кто-то что-то пытался в ней найти. Затем эту версию отбросили, когда в процессе расследования один из профессоров уличил присутствие возмущения внешних полей, обусловленных нестабильным скоплением цезия-133 – химического элемента, определяющего в нашей Академии единицу измерения времени – секунду. Скопление возмущенных атомов цезия-133 было сосредоточено в воздухе в форме плоского овала. Означало это только одно: в лабораторию открыли портал времени.

– То есть... скорее всего, этот краб унесеня в прошлое или будущее? – спросил Тара, внимательно слушая долгий и сложный рассказ Сузуму-сан.

– Унести сам краб определенно не мог. Его кто-то взял с собой, – с уверенностью заявила та. – Собственно говоря, с того самого момента все кардинально изменилось. Я прекрасно помню утро того дня – утро, когда профессора обнаружили пропажу краба и хаос в лаборатории... Поднялась внезапная паника среди учеников первого класса, и никто из преподавателей не понимал, что их так напугало. Все они без исключения бегали по коридорам Академии в ужаснейшей истерике и страхе. Казалось, они увидели смерть. Указом директора нам пришлось ввести их в успокаивающий транс. Увы, эффект транса был очень длительным – около семнадцати месяцев – продолжаясь до сих пор. Ни одна беседа с детьми успехом не заканчивалась, сколько мы, учителя и до чертиков взволнованные родители детей, ни пытались. А попытки совершались только первую неделю, затем директор по неизвестным нам причинам проводить с ними беседы запретил. Решение директора показалось нам крайне неразумным и чересчур противоречивым. Он сильно изменился... С того дня, когда пропал краб, с директором тоже что-то произошло. Он словно сам не свой. Стал грубым, неестественно холодным и безразличным ко многим ранее интересующим его вещам. Поменялись и его предпочтения в еде – на общих ланчах он приходил с другой закуской. Телодвижения, осанка, взгляд, былые привычки... Все это ушло. Понимаете, к чему я веду?

Тара Ямада медленно кивнул.

– В теле директора находится другой человек. – Эта мысль его покорила. Тара вздрогнул.

Сузуму-сан кивнула. Да так неохотно и мрачно, что Тара отвел напряженный взгляд в сторону.

– Как бы там ни было, персонаж в теле директора очень быстро научился копировать его жесты, любимые фразы, вскоре перешел на любимую еду директора. Таким образом, основная масса учителей, ранее имеющих какие-либо подозрения, практически думать забыла о странностях начальника – оно и понятно: длились эти странности около недели. Однако Кииоши Танака – преподаватель истории – случился единственным человеком из всей Академии, помимо меня, который в полной уверенности считал директора ненастоящим. И вот, мы двое разработали целый план по спасению. Первой и самой логичной мыслью было «вынести сор из избы». Поэтому, только фейковый директор разрешил журналисту сделать репортаж в Академии Ши-Ян – видимо, в целях показательной демонстрации того, что в заведении все замечательно, никаких революций, скандалов и проблем не возникает – мы с Кииоши Танака вызвались по очереди представлять лицо Академии.

Тара, искренне удивленный, решил уточнить:

– Постойте, то есть Кииоши Танака, когда я его интервьюировал, сознательно шел на провокацию? Говорил все те вещи, показывал кабинет, подсобку...? Он знал, что так будет?

– Заметь, Тара-кун, Кииоши ничего особенного не говорил, ничего сверхподозрительного не показывал – он всего-навсего умело расставил акценты на определенных словах и действиях. Разумеется, он рассчитывал на скандал. Как и я.

– Но интервью с вами полтора года назад прошло успешно, без нареканий. Гладко и спокойно, – задумался Тара.

– По нашей с Кииоши задумке, оно таким и должно было быть, – сказала Сузуму-сан. – Скандал обязан был появиться именно с интервьюированием Танака. Он рассчитывал на вашу внимательность, проницательность и смелость. В итоге, он не ошибся. Как и я. К сожалению, ты сам того не зная стал частью очень опасной игры.

На секунду Тара почувствовал себя обведенным вокруг пальца. Он вспомнил вопрос, заданный ему журналисткой газеты «Наука не магия», и звучал он так: не думает ли парень о том, что преподаватель истории Кииоши Танака провернул все специально ради скандала? И Тара с уверенностью ответил, что так не считает.

Теперь, глядя в глаза Сузуму-сан, он был совершенно сбит с толку. Журналистское чутье, которое его никогда не подводило, на этот раз дало сбой – эта мысль заставила Тару пройти через стадию отрицания, гнева и смирения. Похоже, впервые его столь ловко обвели вокруг пальца.

– Я был не больше, чем оружием для выстрела, – растерянно вымолвил он.

– Скорее, пулей, – поправила женщина. – Мне жаль говорить, но после публикации этого интервью мы оба – и ты, и я – не выживем. Держу пари, за нами давным-давно следят. На себя мне все равно – как я уже сказала, моя безопасность не имеет для меня никакого значения. А вот говоря о твоей безопасности... Тут сам решай, Тара-кун.

Она увидела убитый и перепуганный вид журналиста, побледневшего как мука, положила руку ему на колено и негромко добавила:

– Можешь выключить, если хочешь.

Тара молча нажал на кнопку «стоп», и диктофон перестал записывать.

– Хорошее решение, – кивнула она и посерьезнела.

– Почему вы раньше не сказали, что мне грозит опасность? – спросил он настороженно и сунул диктофон в верхний карман красной кожаной куртки.

Сузуму-сан сцепила руки воедино и обремененно вздохнула.

– Потому что ты бесстрашный, Тара-кун. Ты ведь знал, разве нет?

– З-знал? – нахмурился он и мотнул головой. – Знал что?

– Что за это дело придется побороться. Что журналистика требует героизма. Что ты не испугаешься.

Сузуму-сан вопросительно взглянула на Тару и сыграла бровями – мол, неужели она сейчас не права?

– В каком-то смысле да, – пожал плечами парень. – Но меня никто не предупредил об опасности моей жизни!

– О, Тара-кун, – пропела женщина и покачала головой, – ты пока молод и наивен. Очевидно, ты не сталкивался с подобного рода обстоятельствами.

– Какого, черт побери, рода? – вскипел он.

– Когда вся твоя жизнь превращается в борьбу за выживание. У кого-то происходит именно так. Например, у Кииюши Танака.

– Его... его ведь уволили?

Таре казалось, что реальность перевернулась вверх тормашками и каким фактам верить, а каким нет, ему теперь представлялось сложным.

– Да, и мы понимали, что уволят. Директор увидел в нем прямую опасность. Уволил. Теперь в любой момент Кииюши могут убить.

– Убить? – переспросил Тара, ужаснувшись. – Кто?

– Очевидно, директор. Вернее, тот, кто сидит в его оболочке. Ты же понимаешь, зачем Кииюши показал тебе ту подсобку?

– Человек, которому принадлежали все те вещи... Он внутри директора, – изрек Тара, и многое становилось на свои места.

– Совершенно точно, – подтвердила Сузуму-сан, и лицо ее становилось все серьезнее. – Тот самый человек в бегах. Мы давно охотились за ним. И он удачно нас перехитрил: подобрался к Академии ближе некуда.

– Кто он? – недоумевал Тара. – Зачем он прибыл в Академию? Господин Танака говорил о его недобрых намерениях и темном образе жизни... Что-то про зависть и злость.

– Этот человек...

Она повернула голову к мужчине, появившемуся у палатки откуда не возьмись. Выглядел он внушительно и солидно. Не переставая, он смотрел на Сузуму-сан.

– Интересные книги, – промолвил он грубым баритоном. – Не о кулинарии?

Побледнев еще сильнее Тары, женщина помотала головой.

– О кулинарии несколько палаток вниз по улице, – ответила она, сглотнув.

Мужчина буравил Сузуму-сан взглядом до тех пор, пока не направился дальше в полном молчании и не исчез из виду. Тара тут же уставился на нее.

– Что это было?

– Слежка, – поняла Такахаша. – Так и думала, за нами следят. – Она открыла бутылочку с водой, сделала пару глотков, перевела дух и подалась вперед к Таре, заговорив совсем тихо: – Больше нам не дадут поговорить. Найди Киюоши Танака. Выберите скрытное место для беседы. Он поведает тебе остальное.

Тара растерянно развел руками.

– И про краба, и про портал времени...?

– Про все, да, – закивала Сузуму-сан. – Он в Токио. Используй минимум времени на поиски. Все узнаешь. Его жизнь в твоих руках. А теперь ступай.

Тара поднялся со стульчика, почувствовав, как потяжелел. То ли это груз, свалившийся на него столь неожиданно, то ли само его тело действительно стало тяжелее. Он проверил, на месте ли фотоаппарат, диктофон, ручка с блокнотом, и собрался уходить.

– Сузуму-сан? – позвал он, обернувшись.

Женщина, покусывая губу, подняла на него тревожный взгляд.

– Вас же не убьют?

Она сделала тяжелый вдох и пожала плечами.

– Не знаю, Тара-кун. Не знаю. Просто найди Киюоши Танака.

Глава одиннадцатая

ОТШЕЛЬНИК

Глазам своим не верю, – в панике вымолвил Тору, смотря на существо через заднее стекло машины. – Это же, мать его, настоящий краб-акселерат!

Только он был не розовым. Это под светом фар краб казался розовым. Теперь, когда мы его проехали, под светом фонарных столбов он был естественно-красным. Толстая прочная скорлупа, огромные мощные клешни, на которых он медленно перебирался по асфальту, шевелящиеся усики и желтые глаза с черными как ночь глазами, застывшими в одной точке.

Меня охватила паника. Сделала беспомощной, заставила замереть и не двигаться. Мы таращились на гигантского краба с передних сидений автомобиля, точно прилипнув к своим местам. Тору судорожно пытался вытащить мобильный из кармана брюк, в то время как я перевела взгляд на рюкзачок, лежащий на моих ногах. В нем таился нож – тот самый нож, которым мне следовало пронзить краба-отшельника, но я понятия не имела, как это проверить в присутствии Тору.

– Надо его заснять! – ошарашенно вымолвил он, наставляя камеру телефона на краба.

В округе, к счастью, было совсем пусто – ни единой человеческой души. Свет в высокоэтажных зданиях не горел, за исключением трех окон в доме, к которому направлялся краб. Дорогу он практически пересек и своими клешнями ступал на пешеходную часть.

– Это мой единственный шанс, – сказала я себе под нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.